

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Е.О. ОПАРИНА

**КОНЦЕПТ МИГРАЦИЯ КАК БАЗА ДЛЯ ОСОЗНАНИЯ
И ОЦЕНКИ МИГРАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ
В ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ**

Аналитический обзор

**МОСКВА
2023**

ББК 81
О 60

Серия
«Теория и история языкознания»

Отдел языкоznания

Редакционная коллегия
Яковлева Э.Б. – д-р филол. наук
Опарина Е.О. – канд. филол. наук

Опарина Е.О.

О 60 Концепт МИГРАЦИЯ как база для осознания и оценки миграционной практики в обществе и культуре : аналит. обзор / РАН, ИНИОН, Отд. языкоznания. – Москва, 2023. – 54 с. – (Сер.: «Теория и история языкознания»).

ISBN 978-5-248-01059-2

В аналитическом обзоре рассматриваются способы и средства создания представлений о миграции и мигрантах в современном русском языке и русскоязычном сообществе. Для сопоставления привлекаются данные из других европейских языков – английского, немецкого и французского. Главным объектом изучения являются языковые средства – лексические единицы, их сочетаемость и типичные контексты употребления, формирующие оценочное отношение к явлению миграции и к ее участникам. Анализируются также некоторые визуальные коды культуры (фильмы, изображения и фотографии в массмедиа, видеоролик), что помогает охарактеризовать концепт как полимодальный и включенный в культуру языковых сообществ.

Для широкого круга специалистов в области гуманитарных наук.

ББК 81

ISBN 978-5-248-01059-2

DOI: 10.31249/migration/2023
© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук» 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Основная часть	6
1. Объекты и задачи миграционной лингвистики	6
2. Миграционная лингвистика как часть научной парадигмы.	
Концепты миграционной лингвистики	7
3. Миграционный дискурс как часть	
миграционной лингвистики	19
4. Языковая и культурная адаптация мигрантов	
в принимающей стране. Миграция и	
образовательный дискурс.....	35
5. Миграция как триггер языковых изменений	42
Заключение	45
Список литературы	49

ВВЕДЕНИЕ

Развитие миграционной лингвистики вызвано интенсификацией явления миграции в последние десятилетия. «Миграция изучается в различных науках не как простое механическое перемещение людей по территории, а как сложный социальный процесс, затрагивающий практически все сферы человека» [Зубарева, Шустова, 2019]. В настоящее время миграция рассматривается как социально-политическая и культурная проблема, имеющая глобальный характер и связанная с рядом серьезных «вызовов» современному обществу. Однако одновременно она видится как позитивное явление – возможный фактор улучшения экономики, обогащения культуры, науки, развития связей между людьми. Процессы миграции неизбежно связаны с языком и процессами в сфере культуры, так как миграция переходит межъязыковые и межкультурные границы. В результате появилась новая ветвь лингвистики – миграционная лингвистика, которая исследует все взаимосвязи между языками и миграцией.

В Европе, как отмечает С.В. Шустова, миграционная лингвистика развивается на протяжении нескольких десятилетий. Ее активное развитие происходит, например, в Германии (Е.Г. Гугенбергер, Т. Крефельд, Т. Штель) [Шустова, 2019]. Изучение миграционных процессов и их влияния на языковую ситуацию не является абсолютно новым направлением. Оно, по словам немецкого исследователя Е. Гугенбергера, имеет глубокие корни в истории лингвистики [цит. по: Шустова, 2019б, с. 158]. Западная лингвистика начинала разработку этой темы с изучения миграционных процессов в США, Канаде, Австралии, внутри Европы [там же]. В России миграционная лингвистика стала развиваться позже, однако для большой страны, которая населена носителями множества автохтонных языков, она является актуальным направлением гумани-

тарных исследований. Точную цифру количества языков в современной России установить трудно. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации оценивает примерное количество используемых языков и диалектов как 277 и более [277 языков и диалектов используют народы России]. Уже по причине взаимодействия множества языков внутри страны – феномена, который становится особенно заметным и обостряет ситуацию при миграции, – социальные, политические и языковые стороны миграции являются важным исследовательским направлением для российских ученых.

Исследователи признают, что миграционные процессы серьезно влияют не только на социальные и культурные условия жизни на тех или иных территориях, подверженных иммиграции или эмиграции. Они воздействуют на состояние естественных человеческих языков, интенсифицируя их трансформацию. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов внутриязыковой аспект, тесно связанный с экстралингвистическим, а именно непосредственное структурно-семантическое взаимовлияние языков при тесных контактах их носителей [Мороз, Чурилова, Калашникова, 2021; Костева, 2022]. Многие процессы, происходящие в языке на синхронном уровне и в диахронии, вызваны интенсивной миграцией: она влияет не только на активизацию лексических заимствований, но и на перенос понятийных и структурных категорий с одного языка на другие, на развитие вариантности языков, на взаимодействие мировых, крупных и миоритарных языков.

В предисловии к коллективной монографии «Миграционная лингвистика в современной научной парадигме» [Миграционная лингвистика ..., 2019а] С.В. Шустова подчеркивает культурно-языковую сторону тематики: «Миграционные процессы связаны и сопровождаются взаимодействием языков и культур, в этом отношении интерес представляют анализ языковой компетенции в области родного и неродного языков, частота употребления того или иного языка в различных коммуникативных ситуациях, роль родного языка как фактора самоидентификации, особенности влияния вероисповеданий на язык и культуру» [там же, с. 4].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Объекты и задачи миграционной лингвистики

Как упоминалось выше, интенсификация миграционных процессов в мире стала главной причиной формирования и развития миграционной лингвистики как отдельного направления лингвистических исследований. Тема является многогранной, поскольку для полного освещения явления она должна охватить не только лингвистическую, но и социальную и культурную стороны миграции.

Исследователи формулируют объект, предмет и задачи относительно новой области исследований. В качестве ведущих объектов миграционной лингвистики С.В. Шустова и Е.В. Исаева называют три направления: 1) язык мигрантов; 2) моделирование динамических процессов, обусловленных миграционными процессами; 3) моделирование миграционного дискурса. Предмет миграционной лингвистики определяется как многовекторный, включающий: разработку базовых категорий миграционной лингвистики; формирование и развитие ее теоретической базы и методологии; создание модели миграционного дискурса [Шустова, Исаева, 2019]. Наиболее объемной частью тематики в сфере миграционной лингвистики является, по мнению исследователей, определение задач направления, в число которых включаются: 1) выявление контактных аспектов взаимодействия языков, функционирующих на одной территории, например пиджинизация и креолизация; 2) описание взаимодействия национальных (титульных) языков и анклавов, разработка типологии анклавлов; 3) выявление позитивных и негативных сторон мобильности этносов в языковом плане; 4) лингвокультурный аспект – моделирование языковой картины мира мигранта; 5) изучение причин языковой агрессии со стороны как титульной нации, так и мигрантов; 6) анализ языковой политики и отражающих ее нормативно-правовых актов, определение прав и обязанностей участников ситуации; 7) разработка типологии языковых ситуаций, обусловленных миграционными процессами и желанием мигрантов сохранить свою культурно-языковую идентичность, и, с другой стороны, разработка вопросов аккультурации (культурной адаптации) мигрантов; 8) разработка типологии коммуникативных пространств, обусловленных миграционными процессами; 9) анализ динамических процессов в языке, обусловленных миграционными процессами; 10) разработка понятия

«мобильное многоязычие»; 11) моделирование процессов ослабления речевой конфликтогенности; 12) моделирование лингвистических аспектов миграционных процессов; 13) изучение роли интернет-сетей в сохранении языковой и культурной идентичности мигрантов и их аккультурации [Шустова, Исаева, 2019а, с. 10–11], см. также [Kerswill, 2006].

Перечисление задач миграционной лингвистики показывает, что ее развитие предполагает исследование широкого круга социальных и культурных вопросов, которые касаются и целых групп населения, и индивидуальных мигрантов. В первую очередь это вопросы, связанные с идентичностью и культурной адаптацией. Идентичность – соотнесение индивидом себя с определенной этнической, социальной или национальной группой, с которой он / она разделяет нормы, ценности и особенности мировосприятия. Существуют разные виды идентичности, каждый из них может стать объектом изучения в миграционной лингвистике. Помимо этнической и национальной это культурная, возрастная, конфессиональная, локальная и другие виды идентичности. Культурная адаптация, или аккультурация, – это процесс взаимодействия и взаимовлияния языков и культур, в результате чего происходит приспособление личности или социальной группы к инокультурному окружению и формирование двойного культурно-языкового сознания и билингвизма [Шустова, Исаева, 2019, с. 12].

Для миграционной лингвистики имеет значение и обратное влияние, т.е. воздействие миграционных процессов на титульный язык и его трансформацию, что происходит благодаря интенсивным межкультурным контактам. Оба вектора приводят к возникновению и усилению межкультурных конфликтов, которые являются частью развития мультикультурного общества [Ашнин, 2012; Kerswill, 2006 ; Enzyklopädie ..., 2007]. Миграционная лингвистика призвана способствовать решению конфликтных ситуаций.

2. Миграционная лингвистика как часть научной парадигмы. Концепты миграционной лингвистики

В определенной части своей проблематики миграционная лингвистика пересекается с другими лингвистическими направлениями. С.В. Шустова и Е.В. Исаева среди смежных направлений

называют политическую лингвистику, теорию коммуникации, теорию дискурса, переводоведение, лингвоэкологию, социолингвистику, психолингвистику, вариантную лингвистику [Шустова, Исаева, 2019, с. 14].

При изучении концептов миграционной лингвистики особое внимание следует уделить взаимодействию ее тематики с когнитивным направлением в исследовании языка. Именно когнитивная лингвистика изучает концепты – ментальные единицы, которые находят материальное выражение в языковых знаках. Существует множество дефиниций концепта, акцентирующих разные грани этого явления. М.В. Пименова понимает концепт как «представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004, с. 10]. В данном определении справедливо утверждается, что важный для культурно-языкового социума концепт обычно имеет языковое (вербальное) выражение. Обычно это слово и / или устойчивое, воспроизведимое словосочетание. Если таких единиц несколько, как правило, выделяется какое-либо слово, которое воспринимается как вербальное ядро концепта. В исследованиях по миграционной лингвистике эта роль закреплена за лексическими единицами *миграция* и *мигрант*, в английском, французском и немецком языках – за их коррелятами той же этимологии [Зубарева, Шустова, 2019; Новое в миграционной лингвистике, 2019; Аллен, 2022; Костева, 2019; Костева, 2022; Шалгина, 2022; *Enzyklopädie ...*, 2007].

При различии природы лексической единицы и концепта, в первом случае – материальной языковой, во втором – ментальной, их планы содержания сохраняют общность. Значение слова с той или иной степенью соответствия и полноты выражает смысл концепта. На формирование содержания концепта часто оказывает влияние этимологическое значение, которое было «заложено» в выражющую его языковую единицу при ее возникновении. Е.Г. Беляевская рассматривает этимологическое значение как первый этап формирования когнитивной структуры лексическое единицы. Этим он может со временем стираться из активной памяти, однако он переходит в подсознание носителей языка и продолжает оказывать влияние на формирование семантики лексической единицы. Этимология, таким образом, проявляется в значениях и когнитивной структуре слова [Беляевская, 2005].

Для пары *миграция* (лексическая единица) – ‘миграция’ (концепт) такая корреляция значима. Лексема *миграция* происходит от латинского слова *migratio* «переселение», оно в свою очередь восходит к глаголу *migro* «перехожу». Таким образом, семантические компоненты ‘перемещение’, ‘переселение’ заложены в этимологии слова как его прототипическое значение. Толковый словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой дает следующее определение современному значению лексемы *миграция* в социально-политической сфере: **миграция** -и, ж. 1. *Ист.. этногр.* Перемещение населения в пределах одной страны или из одной страны в другую. *Внутренняя миграция. Международная миграция* [Словарь русского языка]. Отметим, что другие значения, которые выделяются в словаре для слова *миграция*, содержат семантический признак ‘перемещение’, свойственный этимону: *миграция* в биологии – перемещение животных в связи с изменением условий или цикла развития (*сезонная миграция рыб*); в химии – перераспределение элементов (*миграция химических элементов*); в экономике – *миграция капитала* [там же]. В итоге прототипический смысл, идущий от этимона, сохраняется и является общим для значения лексемы в разных идеографических сферах.

Другой аспект характеристики концепта ‘миграция’ связан с разграничением культурных и цивилизационных концептов. Это разграничение, предложенное В.А. Винорадовым [Виноградов, 2013], основано на предложенном А. Вебером разграничении между культурой и цивилизацией. Культурный концепт представляет собой «сконцентрированный культурный смысл, наделенный высокой значимостной ценностью (позитивной или негативной) в сознании носителей данной культуры» [там же, с. 197]. Культурным концептам свойственна определенная атмосфера, или «аура», характеризующая именно данную культуру. Концепты, относящиеся к группе цивилизационных, наоборот, тяготеют к общезначимым, глобальным явлениям. В качестве примера культурного концепта,нского русской культуре, В.А. Виноградов приводит концепт ‘дуэль’; в качестве примера цивилизационного концепта – когнитивный комплекс ‘революция’, который в русском культурно-языковом сообществе XVIII в. был привнесенным извне [там же].

Согласно гипотезе В.А. Виноградова, концепт ‘миграция’ относится к типу цивилизационных, так как он обозначает в социально-политической и исторической сферах одно из важнейших явлений в истории человечества. Это явление охватывает весь мир, а не характеризует какую-либо отдельную культуру. Лексема, обо-

значающая данное явление, присутствует в разных языках и имеет общее латинское происхождение. Во многих случаях понятие миграции используется как элемент терминосистем.

Однако в развитии концепта ‘миграция’ в современном русском языке прослеживаются свойства, которые могут свидетельствовать о его вхождении в культуру. К таким свойствам относится способность концептов вступать в устойчивую сочетаемость, в которой выражаются их основные связи во внеязыковой действительности и проявляются признаки, являющиеся диагностическими для понимания их семантики [Виноградов, 2013]. Исследуемый концепт, как будет показано ниже, благодаря активному обсуждению темы миграции в СМИ и Интернете формирует вокруг себя устойчивую сочетаемость, куда включаются эмоционально и культурно обусловленные семы, выражающие ценностное отношение носителей языка к обозначаемому явлению. Это свойство сближает концепт ‘миграция’ с культурными концептами и отличает его от цивилизационных концептов и логических понятий. Роль культурных компонентов смысла подчеркнута в трактовке концепта, изложенной в работах академика Ю.С. Степанова: концепт как сгусток культуры в сознании человека, как смысл, который может выражаться в разных семиотических формах [Степанов, 2001, 2007].

Российские лингвисты, изучающие соотношение языка и культуры и роль вербальных концептов в культуре, используют понятие концептосферы культуры. Концептосфера культуры понимается по-разному. Так, И.В. Зыкова считает концептосферу культуры системой (совокупностью) невербальных семиотических областей, образуемых невербальными знаками [Зыкова, 2015]. В.А. Маслова полагает, что концептосфера как система знаний и мнений человека о мире включает в себя и внеязыковой, и языковой уровни [Маслова, 2001]. В.Н. Телия характеризует язык как один из наиболее универсальных семиотических инструментов концептуализации языка культуры. В этой функции языковые знаки выступают как презентации знаков языка культуры, т.е. архетипов, мифологем, символов, эталонов. Семантика многих лексических единиц и устойчивых оборотов может получить полную интерпретацию только при соотнесении со знаками и ценностями культуры и ее пластами (мифологическим, религиозным, литературным и другими). Поэтому концептосфера культуры и концептосфера языка не тождественны, однако тесно связаны друг с другом [Телия, 2004; Телия, 2005; Словарь лингвокультурологических терминов, 2017].

При разнице трактовки понятия концептосферы культуры она понимается как система, в которой каждый концепт включается в определенные связи, более или менее тесные в зависимости от идеографической принадлежности концептов и выражающих их вербальных единиц. Необходимое комплексное исследование включает установление концептуального поля миграции, или концептосферы миграции, как части общей концептосферы языка.

М.Ю. Ален исследует концептуальное поле миграции на основе свободного ассоциативного эксперимента, направленного на установление ассоциирующихся со словом *миграция* лексем и дополненного анализом словарей и НКРЯ. Ассоциативный эксперимент «актуализирует восприятие феноменов действительности» [Ален, 2022, с. 17] и выявляет психологическое значение ключевой лексемы поля и других входящих в него языковых средств, что является диагностически важным при изучении концептов – систем коллективных представлений носителей языка. Кроме того, ассоциативный эксперимент показывает динамику развития концептуального поля. Всего на основе изучения ассоциаций было выявлено 300 слов, ассоциирующихся с лексемой *миграция*. В их числе те, которые относятся к исследуемому социально-политическому концепту. Существительные (*переселение, переселенец, беженец, иммигрант, проживание, популяция, гражданство, общность, занятость, обитание, гунн, ареал, сфера* и др.), но также прилагательные (*территориальный, нелегальный, массовый, этнический, трудовой, кочевой* и ряд др.) и глаголы (*перемещаться, заселить, кочевать, гнездиться, отслеживать, сократиться, увеличиться* и др.). Полученные данные свидетельствуют о расширении концептуального поля миграции в языковом сознании носителей русского языка [там же]. По данным словаря синонимов, в современном русском языке расширяется и состав синонимов слова *миграция*: *эмиграция, перемещение, нетто-миграция, брутто-миграция, миграционное, переезд, интермиграция, микромиграция* (приводится по: [Ален, 2022]).

Сходная ситуация в плане расширения концептуального поля социально-политической миграции наблюдается в английском языке. В качестве словесных ассоциаций слова *migration* также представлены разные части речи: существительные (*migrant, urbanization, emigration, globalization, demography, mobility, refugee* – «беженец», *raptor* – «хищник», *dispersal* и др.), прилагательные (*migratory* – «мигрирующий», *Aryan* – «ариец», *Germanic* – «германский» и др.), глаголы (*migrate* – «мигрировать», *account* – «учи-

тывать», *industrialize* – «индустриализировать»). Как и в русском языке, у английского слова *migration* есть довольно значительная группа синонимов: *displacement* – «перемещение», *(over)flight* – «пеперелет, полет», *departure* – «выезд», *relocation* – «переезд», *immigrant*, *passage* – «переход» [Ален, 2022]. Исследование концептуального поля концептов ‘миграция’ и ‘migration’ в русском и английском языках показывает сложность их структуры, а также параллельные направления в их развитии.

Главным действующим лицом процесса миграции является ‘мигрант’. Согласно мнению С.В. Шустовой и Е.В. Исаевой, «базовой стратегией в мигрантском дискурсе является стратегия портретирования мигранта» [Шустова, Исаева, 2019 с. 52]. Концепт ‘мигрант’ в современном представлении конструируется характеристиками разного профиля, включая национальный, исторический, социальный, идеологический, политический, экономический, психологический аспекты. В средствах выражения концепта ‘мигрант’ присутствуют эмотивные и оценочные семы: *идеальная рабочая сила, неквалифицированная рабочая сила, гастарбайтеры, бесправные, представители маргинальных слоев населения, русофобски настроенные люди, потомки Тамерлана и Чингисхана, создающие головную боль*. Как видно из примеров, эмотивные и оценочные смыслы могут быть выражены как эксплицитно (*бесправные, создающие головную боль*), так и имплицитно, например через ссылку к прецедентным историческим ситуациям (*потомки Тамерлана и Чингисхана*).

Концепт ‘мигрант’ также представляет собой концептуальное поле, в котором активно представлены метафорические концепты. Они создают «портреты» мигрантов, основанные на образных ассоциациях, отражающих архетипы, мифы и стереотипы восприятия. Образ мигранта представлен в русском языке несколькими метафорическими моделями, среди них наиболее частыми являются: милитаристская (*мигранты – оккупанты*); криминальная (*этнические криминальные группировки*); зооморфная (*стадо мигрантов*); «социальная» (*бродяги, иноплеменные гости*); театральная (*гастролеры*); медицинская (*мигранты паразирируют*); охотничья (*легкая добыча*). В последние годы зафиксирована новая модель метафоры – цифровая, которая применяется для характеристики мигрантских сообществ и также имеет несколько разновидностей в плане выражения: *цифровые мигранты* и др.: «*В наше время появилось понятие “цифровая diáspora” (“виртуальная diáspora”, “e-диáспора”), которое представляет собой электронное*

сообщество мигрантов, взаимодействие которых осуществляется при помощи информационно-коммуникативных технологий» [цит. по: Шустова, Исаева, 2019, с. 54]. Появление новой метафоры свидетельствует о развитии дискурса, ориентирующегося на новые жизненные реалии.

Наиболее распространенной до настоящего времени остается «морская» метафора миграции: *поток / приток трудовых мигрантов, волна мигрантов, наплыv мигрантов, страна наводняется дешевой рабочей силой*. Морская метафора, уподобляя явление стихии, способна выразить возросшую интенсивность миграции и ее опасные стороны, прежде всего неконтролируемость. Она активно применяется не только в русскоязычных, но также и в англоязычных и немецкоязычных средствах массовой информации, обозначая интенсивный *поток / приток мигрантов*: «Значительно сократить *поток мигрантов* могли бы барьеры на въезд в страну»; «Как обуздать *миграционные потоки*?»; «Gauteng was a highly urbanised province with a high *influx of migrants*» – «Гаутенг (провинция Южно-Африканской Республики) был провинцией с высоким уровнем урбанизации и с интенсивным притоком мигрантов»¹; «Frankreich will den anhaltenden *Strom ausländischer Migranten* von Calais nach England stoppen» – «Франция хочет остановить нескончаемый поток мигрантов из Кале в Англию»; *Refugees flooding into Europe; Zustrom von Migranten* – «Беженцы заливают Европу, как потоп: приток мигрантов» [там же]. Данные примеры показывают, что оттенки значения морской метафоры участвуют в формировании системы представлений, включающей в себя помимо референциальных и денотативных смыслов культурные коннотации и эмотивно-экспрессивные семы. Семантика метафоры, внутренняя форма которой базируется на архетеипе морской стихии, несет в себе аллюзию к эсхатологической мифологии потопа. Морская метафора не является новой, однако она соотносит семантику слов и воспроизводимых оборотов со знаками и пластами культуры, что делает семантику слова объемной и усиливает эмоциональное воздействие контекстов с участием морской метафоры.

Концепт ‘миграция’ обозначает процесс, который предполагает наличие разноспектрных составляющих: социокультурных, политических, экономических, идеологических. Все эти направления осмыслиения концепта отображаются в сочетаемости слова.

¹ Перевод мой. – E.O.

Анализ корпусных данных делает возможным исследование сочетаемости и, шире, словоупотребления на большом массиве текстов. Соответственно, семантику языкового концепта можно выявить более полно и достоверно. В работе Е.О. Зубаревой и С.В. Шустовой исследование сочетаемости лексемы *миграция* основано на данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса лаборатории Лейпцигского университета [Зубарева, Шустова, 2019].

Исследование сочетаемости лексемы *миграция* в исследуемом социально-политическом значении выявило системные связи концепта ‘миграция’ с определенными сферами референции. Широкое распространение концепта на разные сферы доказывает его значимость для современного социума. Наиболее частотными являются три идеографические группы: «Юридический статус», «Сфера деятельности» и «Направленность миграции» [Зубарева, Шустова, 2019]. В первой группе наиболее частыми являются словосочетания: *незаконная / нелегальная миграция*; к этой группе также относятся *законная / легальная / неофициальная / незарегистрированная / теневая миграция*. Во второй группе, наиболее объемной по составу словосочетаний, весьма частотными являются упоминания экономической и трудовой сфер: *экономическая / трудовая / квалифицированная / неквалифицированная миграция*; также: *социальная / культурная / медицинская* и др. В третьей группе преобладают словосочетания, указывающие на внутреннюю направленность миграции в противоположность внешней: обороты *внешняя / внутренняя миграция* являются наиболее частотными; к этой же группе относятся: *межграницная / межконтинентальная / городская / деревенская / местная / локальная миграция*. В целом результаты корпусного анализа сочетаемости лексемы *миграция* свидетельствуют о сложности формируемого языкового концепта, содержащего ряд противоположных признаков [там же]. Отметим, что в наиболее распространенных по частоте употребления тематических группах доминируют негативные характеристики. Данный факт можно рассматривать как показатель того, что в обществе идет активное обсуждение явления миграции и в данный момент значительным количеством примеров представлена его отрицательная оценка.

У концепта ‘миграция’ есть множество «смежных» концептов, которые вербализируют аспекты и грани тематики, связанной с миграционными процессами. Одним из компонентов миграционной тематики в политическом дискурсе является вопрос сдержива-

ния нелегальной миграции, актуальный для разных частей современного мира. Физическое средство сдерживания потока мигрантов – возведение барьера между «своей» и «чужой» территориями. Концепт ‘барьер’ имеет долгую историю и актуализирован в наименованиях исторических и современных реалий, которые возводились в целях сдерживания неконтролируемой миграции и других передвижений «чужих»: *Великая Китайская стена, Адрианов вал, Берлинская стена, Израильский разделительный барьер*. Как известно, президент США Д. Трамп в начале своего президентского срока объявил о намерении построить заградительную стену на границе между США и Мексикой, и это намерение широко обсуждалось в американском обществе с разных позиций¹. Проект Д. Трампа широко обсуждался и в российских СМИ. Анализ текстов из российских интернет-изданий показал, что субстантив *стена* вместе с его воспроизведимыми коллокациами является ядерной лексемой для вербализации концепта ‘стена Трампа’. Мы считаем, что ‘стена Трампа’ обрела статус концепта именно потому, что вокруг его верbalного выражения развернулись дискуссии и сформировался определенный тематический дискурс. Наряду с этим контекстуальный анализ выявил девять лексем, стержневых для словосочетаний, сходных по смыслу, которые были задействованы в обсуждении темы стены Трампа [Путина, 2019]. Такой результат подтверждает, что концепт как ментальная единица не сводим к лексической единице, выражающей его в языке, даже если это слово является для него ядерным средством концептуализации. Слова, также участвующие в формировании рассматриваемого концепта, представляют собой достаточно широкое поле, Словосочетание ‘стена Трампа’ соотносится преимущественно с физическим референтом (заградительное сооружение как реалия), но также получает метафорическое переосмысление (стена как символ социальных отношений между людьми и группами людей), поэтому в сферу языковых средств выражения концепта ‘стена Трампа’ включаются субстантивы: *барьер, заграждение, ограждение, забор (за 25 млрд долл.), преграда, препятствие*. Как характерно для воспроизведимых словосочетаний, диагностические признаки выражаются компонентами, сопровождающими базовую лексему. Один из признаков концепта ‘стена Трампа’ можно

¹ Английские варианты названия проекта: *US – Mexico Border Wall* и *US – Mexico Barrier*. То есть в оригинале названия используются существительные (*пограничная*) *стена* и *барьер*. – Е.О.

сформулировать следующим образом: «стена как маркер государственной границы США и межгосударственных отношений»: *пограничная стена, стена на (южной / мексиканской) границе, пограничный барьер / забор, разделительная стена, стена вдоль границы с Мексикой, американо-мексиканская стена, заграждение на границе с Мексикой*; но также: *мексиканская стена, злосчастная стена с Мексикой* [Путина, 2019]. Два последние словосочетания отличаются от предыдущих: *мексиканская стена* определяет сооружение как «принадлежащее» Мексике, а не США; в *злосчастной стенае с Мексикой* эксплицитно выражена субъективная эмотивная оценка. Другой признак концепта – «стена как маркер безопасности»: *стена для безопасности, защитная стена, заградительная стена, стена для сдерживания нелегалов, безопасный забор*. Признак «стена как маркер «общественных ценностей»: *великая (американская) стена, великий (американский) забор, самая большая стена в истории, «аморальная» стена на границе, «аморальная» пограничная стена*. Эта группа словосочетаний характеризует реалию с точки зрения важной для культуры категории ценности. В коллокациях данной группы проявляется такой способ выражения субъективного оценочного отношения, как ирония. *Великий (американский) забор, великая (американская) стена* явно содержат аллюзию к Великой Китайской стене, построенного в древности оборонительного сооружения. Великая Китайская стена – историческая реалия, которая является частью универсального фонда знаний. Таким образом, концепт ‘великой (американской) стены’ вводится в область культурных кодов, и речь опять же идет об универсальном коде, так как знание о денотате словосочетаний не ограничивается национальной, языковой или какой-либо другой социальной группой.

Еще одна группа словосочетаний актуализирует концептуальный признак ‘стена как маркер идеолога – Д. Трампа’: *(великая) стена Трампа, детище Трампа, трамповская стена*. На примере выражений *стена Трампа* и *великая (американская) стена* можно проследить путь формирования культурного концепта ‘стена Трампа’. Вначале в общественно-политической «повестке» появляется тема, строящаяся вокруг реалии или явления, которые являются важными для общества в данный момент. Далее появляются словосочетания, обозначающие реалию с ее атрибутами. В результате активного обсуждения темы разделительной стены в близких друг к другу политическом и миграционном дискурсах и в результате приоритетности некоторых взглядов, высказываемых

в дискуссиях, ряд словосочетаний стал часто воспроизводиться и обрел свойство устойчивости. Эти факторы также свидетельствуют о важности темы для общества, так как в устойчивых словосочетаниях проявляется ценностное отношение к обозначаемому, и это также связывает словосочетания и обозначаемую ими систему представлений с культурой [Степанов, 2007]. Определенная роль принадлежит также фоновым знаниям коммуникантов: мы имеем в виду то, что словосочетания входят в ряд наименований заградительных сооружений, известных в истории и являющихся частью культурно-языковой компетенции среднего субъекта языка в тех или иных регионах (*Адрианов вал, Великая Китайская стена* и др.).

Языковые концепты являются динамичными сущностями, и их формирование, как и изменение, может происходить на достаточно длительном промежутке времени. В подобных случаях диахронический аспект изучения вопроса приобретает особую важность. Концепт ‘миграция’ и связанные с ним ментальные и языковые единицы принадлежат к группе концептов, имеющих долгую историю. С темой миграции общество столкнулось очень давно, так как люди, их группы, в том числе целые этнические группы, меняли место жительства. Тема миграции присутствует в разных речевых жанрах. В ряде работ высказано предположение, что в качестве компонентов формирования современного концепта ‘миграция’ в русском языке могут рассматриваться традиционные пословицы и поговорки на тему переселения [Ален, 2022; Опарина, 2022].

Термины *миграция* и *мигранты* в традиционном фольклорном жанре не использовались, однако миграция всегда связана с переселением, и выраженное в паремиях отношение к явлению переселения явно перекликается с теми взглядами, которые высказываются в современном миграционном дискурсе, представленном в СМИ. Так, в традиционных русских паремиях выражена мысль о предпочтительности для человека «своего» пространства в противовес «чужому»: *своего дома, своей стороны, родной земли* [Опарина, 2022]. Архетипическое противопоставление «свой – чужой» и его выражение верbalными средствами исследователи, например В.М. Алпатов, относят к универсальным свойствам языков [Алпатов, 2017].

В традиционных русских паремиях используются метафоры из природного кода культуры, подчеркивается, что такой взгляд является для народной культуры традиционным. В качестве примера приведем паремии: *Родная сторона – мать, чужая – мачеха;*

Всяк кулик свое болото хвалит. В старых паремиях поддерживается и установка на то, что чужое пространство имеет право на собственные правила и обычай (соответствующий тематический раздел в сборнике пословиц В.И. Даля называется «Своеобычие»): *Что двор, то и говор; В чужом доме не указывают* [Даль, 2009]. Смыловые и оценочные соответствия этим установкам обнаруживаются в современном миграционном дискурсе. В текстах СМИ часто высказывается точка зрения об аномальности миграции, об ее обусловленности неблагоприятными обстоятельствами даже в тех случаях, когда автор не стремится представить мигрантов как врагов. В НКРЯ представлены следующие фрагменты текста из СМИ: *«Таковы, например, миграция из зависти и миграция из-за комплекса неполноценности»*; *«Дело в том, что миграция – это проблема неудовлетворенных потребностей, энергия которых преобразуется в энергию перемещения»* [НКРЯ; Опарина, 2022, с. 82]. Убеждение, что миграция относится к угрожающим явлениям, нередко высказываемое в современных русскоязычных СМИ, находит корреляты в традиционных паремиях: *На чужой стороне и ребенок ворог*.

Об устойчивости негативного отношения к миграции свидетельствует также то, что в СМИ часто встречаются воспроизведимые словосочетания со словом *миграция*, имеющие отрицательную оценочность, в частности: *незаконная миграция, нелегальная миграция, неконтролируемая миграция*. Словосочетание *массовая миграция*, не содержащее прямой оценки, но описывающее ситуацию как выходящую за границы нормы, встречается, как правило, в контекстах с общей негативной оценкой: *«Массовая миграция населения, приобретающая в настоящее время глобальный характер, также превращается в серьезный источник обострения социально-экономической обстановки в мире»* [Опарина, 2022, с. 82].

Однако в медиатекстах слова *миграция* и *мигрант* встречаются не только в негативных контекстах, следовательно, в СМИ формируется не только отрицательный комплекс представлений о явлении. Воспроизведимые словосочетания и контексты с позитивным оценочным знаком отличаются тем, что они, как правило, содержат анализ явления миграции и проблем, с ним связанных. Такие контексты стремятся объяснить причины и роль миграции в жизни страны, следовательно, они выполняют объяснительную и дидактическую функции. Этим они «дискутируют» со стереотипным негативным отношением к миграции: *«Благодаря социально-экономическим функциям, внутренняя миграция является одним из*

средств адаптации населения к новым условиям, территориального перераспределения населения под воздействием изменения отраслевой и территориальной структур производства» [Опарина, 2022, с. 83]. Отметим также, что ядерные для концепта лексемы *миграция* и *мигрант* активно применяются в названиях общественных и государственных организаций и мероприятий. Это показывает, что концепт стал частью наименований общественных практик, в которых также фиксируется позитивное или негативное оценочное отношение: «*Дополнительно проводится оперативно-профилактическое мероприятие “Нелегальный мигрант” с целью выявления незаконных мигрантов, находящихся на территории Оренбургской области, незаконно проживающих и т.п.*»; ср.: «*Гавхар Джусураева – руководитель центра “Миграция и закон” при московском фонде “Таджикистан”*» [там же].

Нестабильность и «незаконченность» семантики концепта – явление закономерное и отмеченное исследователями, оно объясняется тем, что многие концепты представляют собой развивающееся или трансформирующееся явление [Подорога, 2013; Телия, 2004; Телия, 2021; Опарина, 2017]. В данном случае на развитие концепта повлиял, в частности, тот фактор, что слово *миграция*, которое долгое время принадлежало к терминосистеме и обозначало понятие-термин в разных научных сферах, через массмедиа стало общераспространенным. Наблюдение над языковым материалом, зафиксированным в НКРЯ, дает основание сделать вывод о том, что в настоящее время лексема *миграция* и ее коллокации становятся вербальной основой для создания концепта ‘миграция’ именно в общенациональном русском языке и в обиходной картине мира. «Можно предположить, что данный концепт формируется как “амальгама”, включающая в себя компоненты, различающиеся по происхождению, смысловым и формальным характеристикам» [Опарина, 2022, с. 83].

3. Миграционный дискурс как часть миграционной лингвистики

«Локусом» репрезентации темы миграции является миграционный дискурс (также используется термин «мигрантский дискурс»). Исследователями в области миграционной лингвистики миграционный дискурс рассматривается как одна из центральных тем в данном направлении. Анализируются признаки и связи ми-

грационного дискурса со смежными по тематике дискурсами, производится его моделирование [Van Dijk, 2018; Костева, 2019б; Шустова, 2019б].

Т.А. ван Дейк характеризует миграционный дискурс как сложный социально-политический феномен, который исследуется в разных гуманитарных науках. Фундаментальным методом изучения миграции Т.А. ван Дейк называет анализ признаков и свойств всех форм текстов, устных и письменных, принадлежащих мигрантам и о мигрантах («*forms of text or talk of or about migrants*» [Van Dijk, 2018, p. 243]). Исследователь формулирует цели лингвистов в области миграционного дискурса: анализ его структур, изучение способов выражения в нем ментальных моделей и обусловливающих его идеологий, а также тех функций, которые этот дискурс выполняет в обществе [Ibid.].

В качестве ключевых и системных признаков миграционного дискурса российские лингвисты выделяют следующие: 1) миграционный дискурс представляет собой систему речевого общения, обусловленную экстралингвистическими (социальными, политическими, культурными) факторами, действующими применительно к речевой ситуации; 2) он является идеологическим конструктом и инструментом, посредством которого осуществляется воздействие на общество; 3) миграционный дискурс может быть охарактеризован как вербальная социальная практика, тесно взаимодействующая с культурными и социальными практиками [Карасик, 2000; Шустова, 2019б]. Миграционный дискурс имеет свой широкий диапазон тематик, среди них: причины миграции, субъекты миграции, миграционная политика, конфликты вокруг миграции и мигрантов, виды дискриминации, антимиграционные настроения и ксенофобия, национально-культурная идентичность, способы адаптации мигрантов и т.п. Еще одна важная характеристика дискурса – его институциональность vs неинституциональность. Миграционный дискурс относится преимущественно к институциональному виду, в котором происходит общение между субъектом и социальным институтом или между социальными институтами.

Обязательным признаком любого дискурса является интенциональность. Интенция, или коммуникативная цель, отражает намерение говорящего оказать желательное адресанту воздействие на знания, эмоциональное состояние, оценки и поведение адресата [Шустова, 2019б, с. 159]. Цель миграционного дискурса – формирование в обществе определенной позиции по отношению к

миграционному процессу в разных его аспектах, а также к участникам этого процесса. Миграционные процессы, как признают сегодня представители социальных наук, имеют позитивные результаты – расширение международных и межкультурных контактов, рост экономики, стремление к толерантности [Путина, 2019]. Однако наряду с позитивными моментами интенсивная миграция обладает повышенной конфликтогенностью во всех областях общественной жизни, что проявляется в том числе в культурной и языковой сферах. Миграционный дискурс может способствовать смягчению и снятию конфликтов, что доказывается его изучением в русле теории диалогизма. Ключевым тезисом теории диалогизма является разработанное в трудах Р. Декарта, Г.Ф. Гегеля, позднее – М. Бубера, Х.Г. Гадамера признание «Другого» («Ты») как «второго Я», «другого Я» [Бубер, 1995; Гадамер, 1991]. В работах отечественных исследователей – М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана – наличие диалога с «Другим» осознается как необходимое условие коммуникации и самой жизни [Бахтин, 1979; Лотман, 1992]. По словам М.М. Бахтина, «Жизнь по природе своей диалогична. Жить означает участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п.» [Бахтин, 1979, с. 263]. Диалог как фокус миграционного дискурса может стать основой для решения конфликтов, вызванных миграцией. Идея диалогичности коммуникации, признание «Другого» как равноправного партнера – условия, противостоящие речевой агрессии, характеризующей антимиграционный (антимигрантский) дискурс.

Миграционный дискурс взаимодействует с другими дискурсами, близкими по темам и языковым характеристикам и приемам. В качестве ближайших к миграционному дискурсу исследователи называют следующие: политический дискурс; научный дискурс; социальный дискурс [Костева, 2019, с. 51]. С.В. Шустова пишет о тесном взаимодействии миграционного дискурса с экономическим, этническим, культурным, демографическим, политическим, образовательным, религиозным дискурсами [Шустова, 2019б].

Заслуживает внимания отношение исследователей, занимающихся миграционной лингвистикой, к антимиграционному дискурсу. В.М. Костева полагает, что он выделился как направление миграционного дискурса. Согласно мнению В.М. Костевой, появление антимиграционного дискурса закономерно, так как в современном обществе существует негативное отношение к иммиграции и формируются системы представлений, которые можно назвать «антимигрантской мифологией» и «мигрантофо-

бией» [Костева, 2019, с. 47]. Антимиграционный дискурс носит агрессивный характер. С этим фактором, как отмечает В.М. Костева, связана необходимость рассматривать его, как и миграционный тип, с точки зрения всех его участников. Более того, «считаем, что миграционной лингвистике может быть также противопоставлена антимиграционная лингвистика, ее изучение может быть связано с выявлением механизмов и дискурсивных практик (в понимании М. Фуко) участников общего миграционного дискурса» [там же]. Антимиграционный дискурс при таком подходе будет рассматриваться как часть «антимиграционной лингвистики». По мнению В.М. Костевой, совокупность негативных отношений к миграции во многом обусловлена тем, что мигранты рассматриваются как носители другой культуры и других ценностей, и поэтому они представляют собой угрозу местному населению: «В российском антимиграционном дискурсе настойчиво проводится мысль, что иммигранты, особенно некоторые, – другие навсегда» [там же, с. 48]. При подобной установке противоположности между иммигрантами и местным населением кажется непреодолимыми, а смена иммигрантами и их потомками культурной идентичности – совершенно невозможной. Выяснить, насколько такие воззрения верны, одна из задач миграционной лингвистики [там же].

Существует и другой подтип миграционного дискурса – дискурс эмиграционный, который, как указывает В.М. Костева, изучен в нашей стране мало и понимается почти исключительно как дискурс, связанный с языком писателей, эмигрировавших из СССР, и с языком эмигрантских газет. Однако он может расширяться до изучения дискурса разных социальных и профессиональных групп эмигрантов, например дискурсивных практик научной эмиграции. В последние десятилетия в России, хотя не только в нашей стране, расширился состав социальных и профессиональных групп эмигрантов. Наличие эмигрантского дискурса, как полагает В.М. Костева, позволяет говорить об эмиграционной лингвистике как «совокупности дискурсивных практик, реализуемых различными группами эмигрантов» [там же, с. 49], многие из которых, «покинув Россию, стали проводниками русского языка и культуры за рубежом, основали ряд русских школ, проводят большую просветительскую работу» [там же].

Наиболее тесно миграционный дискурс связан с социальным и политическим дискурсами [Костева, 2019; Шейгал, 2004]. С социальным дискурсом миграционный разделяет, например, та-

кие темы, как толерантность и противоположные ей явления – межнациональная и расовая вражда [Костева, 2019].

В современном обществе миграционный дискурс тесно связан также с рекламным дискурсом. Их взаимодействие позволяет выделить внутри миграционной лингвистики понятие рекламного миграционного дискурса, обладающего своим набором дифференцирующих признаков. Как у любого дискурса, у него есть свои адресанты и адресаты. Адресатами данного типа дискурса являются мигранты, с которыми адресанты – соответствующие социальные институты (рекламодатели) взаимодействуют в процессе решения проблем их переезда, проживания и адаптации в принимающей стране. Конституирующими дифференциальными признаком любого дискурса является также интенция, или коммуникативная цель. Этот признак дискурса актуализирует намерение адресанта сообщения оказать определенное воздействие на знания, убеждения, эмоциональное состояние и на поведение адресата, стремясь их модифицировать в желательном для адресанта направлении (т.е. добиться перлокутивного эффекта) [Шустова, 2019б].

Значимыми признаками дискурса являются его содержательные и функциональные аспекты. Рекламный дискурс включает информативный, оценочный, побудительный и перформативный аспекты. Следовательно, этот тип дискурса формируется полифункциональными текстами. Их содержание включает политические, социальные и культурные компоненты. Важно также иметь в виду существование жанровых разновидностей внутри текстов, принадлежащих к одному дискурсу. «В области рекламоведения выделяются три жанровые разновидности рекламных текстов: краткая реклама, представляющая собой товарный знак, фирменный стиль, слоган, фразу (малый жанр); рекламное объявление (средний жанр); рекламная статья (крупный жанр)» [Шустова, 2019б, с. 160]. Рекламное объявление, по мнению С.В. Шустовой, исторически предшествует всем другим видам рекламных текстов. Эта разновидность не только привлекает внимание адресата к предмету рекламы и предложению, но и предоставляет некоторую дополнительную информацию о них. В.В. Зирка выделяет следующие функции рекламного объявления: 1) стимулирование сбыта за счет обращения к потенциальным потребителям; 2) оперативная информация об изменениях в сфере объекта рекламы; 3) создание специфического представления об объекте рекламы; 4) формирование мнения адресата рекламного объявления относительно объекта рекламы [Зирка, 2014, с. 37]. Рекламное объявление

в свою очередь имеет следующие разновидности: коммерческое объявление; информационное объявление; агитационно-образное объявление; логико-убеждающее сообщение; краткое информационное сообщение [Шустова, 2019б, с. 161].

В Российской Федерации мигранты в результате активных миграционных процессов становятся массовой маркетинговой аудиторией. По данным официальной статистики, на территории РФ проживают 10 млн мигрантов. Практически все они – жители территории бывшего Советского Союза. Согласно статистике, по данным на 2018 г., большинство иммигрантов в РФ прибыли из Украины, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и Таджикистана (по мере убывания от 25,5 до 10,8%) [там же, с. 163].

Одной из основных практик рекламного дискурса в настоящее время является социальная реклама, адресатами которой являются, в частности, мигранты. Термин «социальная реклама», по утверждению М.Б. Раренко, «призван подчеркнуть, что сферой интереса упомянутого выше феномена является социальная, или общественная, жизнь. [...] Создатели социальной рекламы привлекают внимание к актуальным социальным проблемам общества» [Раренко, 2022, с. 17]. Именно социальная ориентированность, по мнению М.Б. Раренко, является ключевым признаком, определяющим характер данного типа рекламы. Она направлена на то, чтобы в благоприятном, способствующем толерантности и позитивному развитию направлении изменить отношение в обществе к какому-либо явлению и / или группе населения [там же]. Основной причиной появления жанра социальной рекламы исследователи называют обилие конфликтных ситуаций в обществе, что требует корректирующих коммуникативных практик. Немалая часть рекламных объявлений, нацеленных на улучшение положения иммигрантов в принимающей стране (в данном случае в РФ), соответствует критериям социальной рекламы.

Современные рекламные тексты, в том числе тексты, адресованные мигрантам, существуют и передаются адресатам как через традиционные медиаканалы, так и посредством новых технологий, которые нацелены на то, чтобы доступ к информации был возможен всегда. Так, используются каналы мобильных операторов. Современные технологии помогают рекламодателю и адресатам рекламы найти друг друга и быстро установить необходимый контакт. Однако традиционные формы рекламирования также продолжают действовать, в том числе в сфере рекламы, адресатами которой являются мигранты. С.В. Шустова приводит пример –

размещение социальной рекламы для мигрантов в общественном транспорте Санкт-Петербурга. Ее темы – обучение иммигрантов русскому языку на курсах, организованных в разных районах города, и юридическая помощь: «*Бесплатные* курсы русского языка для трудовых мигрантов»; «*Консультации по всем миграционным вопросам*» [Шустова, 2019б, с. 165–166].

Текстовые формы рекламного мигрантского дискурса находятся в развитии, однако уже сейчас можно выделить ряд важнейших определившихся направлений. Среди них – реклама образовательных услуг и сфера потребления. Сфера образовательных услуг играет значительную роль в социальном плане, так как знание языка безусловно необходимо для адаптации иммигрантов в стране пребывания и способствует «минимизации мигрантофобии, минимизации языковой конфликтогенности, дискриминации» [там же, с. 163]. Развивается также ситуация в сфере потребления; увеличивается количество предложений о работе для мигрантов в сфере интернет-продаж, чему способствует развитие онлайн-магазинов, которые в свою очередь открывают торговые точки офлайн.

Миграционную лингвистику интересуют в первую очередь языковые средства воздействия на адресата. Среди таких средств – прагматические интенсификаторы, которые усиливают привлекательные для адресата свойства рекламируемого объекта. В группе прагматических интенсификаторов множество лексем, содержащих рациональную или эмоциональную оценку. Например: «*Экзамен по русскому языку для мигрантов. Дешевле. Быстрее всех*»; «*Оперативно! Легально! Доступно! Юридическая помощь мигрантам*»; «*Консультации по всем миграционным вопросам*». В целях воздействия на адресата в рекламе часто применяются лексемы: *безвозмездно, стабильно, устойчиво, защита, содействие, поддержка* [Шустова, 2019б, с. 165–166]. Лексемы-интенсификаторы не только выполняют информативную и манипулятивную функции. Они характеризуют образ жизни и потребности иммигрантов в РФ, поэтому интенсификаторы являются неотъемлемой частью концепта «миграция» как системы представлений о явлении [там же]. Уважительное отношение к мигрантам, присутствующее в СМИ Российской Федерации, манифестируется в особых словах и оборотах: *толерантность, содействие, помощь, поддержка, доступность, сохранение культурной идентичности*. Оно проявляется в названиях мероприятий, в декларациях намерений и в призывах: «*Программа Правительства Санкт-Петербурга “Толерантность”*»; «*Доступно! Без ограничений!*»; «*Содействие*

в получении разрешения на работу»; «Центр поддержки трудовых мигрантов»; «Дом национальностей. Информационно-культурное мероприятие для мигрантов» [Шустова, 2019б, с. 167–168].

Отношение общества к миграции и мигрантам проявляется также в неологизмах, которые относятся к исследуемому тематическому полю. Данное явление анализируется в работе Е.А. Шалгиной на примере французского языка, где представлен обширный и интересный материал [Шалгина, 2022]. Обилие во французском языке новых единиц, касающихся явления миграции, имеет экстравармингистические и внутриязыковые основания. Население Франции традиционно нацелено на то, чтобы предоставлять убежище преследуемым и беженцам. Это подтверждается многочисленными существующими в стране организациями, такими как *France terre d'asile* (Франция – страна-убежище). Такое настроение присутствует в стране и сейчас. Однако в два последних десятилетия иммиграция приняла такой интенсивный характер, что общество разделилось на тех, кто по-прежнему позитивно относится к приему массы мигрантов и готов им помогать, и тех, кто открыто высказывает опасения, что массовая иммиграция угрожает экономике страны, ее безопасности и культурно-языковой идентичности французов. Внутриязыковым фактором, ярко проявляющим отношение к иммигрантам во Франции, стала способность французского языка к созданию множества неологизмов и окказионализмов. В настоящее время, как считает Е.А. Шалгина, во французском языке происходит неологический взрыв, связанный с явлениями глобализации и миграции [Шалгина, 2022, с. 40]. Изучение слов, относящихся к сфере миграции, и их сочетаемости по корпусным данным демонстрирует противоположные оценки явления иммиграции французами. С одной стороны, свободное распространение идей и взаимодействие культур рассматривается как позитивный процесс. В СМИ при обсуждении миграции активно воспроизводятся с положительной оценкой словосочетания, имеющие идеологическую направленность, такие как: *la diversité des expressions culturelles* – «разнообразие форм культурного выражения»; *la libre circulation des idées* – «свободное распространение идей»; *le processus créateur* – «творческий процесс»; *des Gens du voyage* – «кочевники», букв. «люди кочевья» (о цыганах, с положительной оценкой). Противоположная точка зрения выражается воспроизводимыми оборотами: *préférence étrangère* – «предпочтение иностранцев»; *immigrationisme fanatique* – «фанатичный иммиграционизм»; *invasion migratoire* – «наплыв / нашествие мигрантов»;

le grand replacement – «великое замещение» (означает замену коренных французов другими народами). Данное выражение было популяризировано писателем Рено Камю в работе одноименного названия (Le Grand Replacement, 2011), в которой утверждается, что массовая иммиграция в Европу завершится полным устранием коренных европейцев [Шалгина, 2022, с. 43–44]. Частое повторение приведенных выше оценочных словосочетаний и оборотов свидетельствует об их движении в сторону устойчивости и, как результат, к восприятию обозначаемых ими явлений как фрагментов концептов ‘migration’ и ‘migrant’.

Во французских СМИ часто воспроизводятся также словосочетания, которые могут характеризовать иммиграцию нейтрально или применяться в контекстах с разными оценками. Наиболее частотны: *immigration massive, permanente, temporaire, périodique* – «иммиграция массовая, постоянная, временная, периодическая». Также частотны: *movement d'immigration* – «иммиграционное движение», *pays, terres d'immigration* – «страны иммиграции», *flux et reflux de migration* «приливы и отливы миграции» [там же]. Некоторые новообразования дают дериваты и сложные слова разных типов, однако имеющие тот же оценочный знак. Так, негативный характер неологизма *immigrationsme*, обозначающего политическое течение, благоприятствующее иммиграции, как и его производного *immigrationiste*, относящегося к стороннику данного течения, «программируется» на уровне структуры слова: данные суффиксы имеют во французском языке негативно-оценочную окраску [там же]. Становится популярным сложное слово *immigration-invasion*, фиксирующее в одной лексеме смыслы иммиграции и вторжения. Негативную окраску имеют и неологизмы *mondialisme / mondialiste* – «идея всемирного государства / ее сторонник», *européisme / européiste*. При этом сторонники обозначаемых движений обсуждаются в СМИ значительно чаще, чем сами движения, о чем свидетельствует преобладающее количество вхождений с суффиксом *-iste*. Активно используется французскими СМИ еще не зафиксированный в корпусах французского языка неологизм *francocide* – «франкоцид», вошедший в употребление после убийства французской девочки (главным подозреваемым стал нелегальный иммигрант из Алжира). Неологизм построен по аналогии со словами, обозначающими другие виды преднамеренных убийств: *homicide* – «убийство человека» и *femicide* – «убийство женщины» [там же].

Возникновение во французском языке значительного числа неологизмов, относящихся к сфере миграции, свидетельствует о расширении концептуального поля ‘миграция’ в языковом сознании европейцев, как и рост количества слов-ассоциатов и синонимов лексем *миграция / мигрант и migration / migrant*, отмеченный в русском и английском языках [Ален, 2022; Шалгина, 2022].

Изучение языковых средств на уровне миграционного дискурса позволяет выявить повторы и сходства в способах освещения темы миграции в СМИ разных стран. Ряд сходств отмечается в русскоязычных российских и французских СМИ (*L'Express, Liberation, Le Parisien, «Российская газета», «Аргументы и факты», «Новая газета»*). Репрезентация образа иммигранта строится на полярных характеристиках. С одной стороны, сам иммигрант представлен как жертва, с другой – принимающая сторона представлена как жертва наплыва мигрантов. В СМИ обеих стран главным показателем для восприятия иммигранта «коренным населением» является знание или незнание языка принимающей страны и готовность уважать ее культуру и законы. Наиболее частыми полярными характеристиками мигрантов во французских массмедиа являются: *bon* – «хороший, полезный», *méchant* – «злой, вредный»; *ignorant de codes* – «не знающий культуру (принимающей страны)» vs *respectueux des lois* – «уважающий законы». В русскоязычных СМИ мигранты оцениваются по критериям *грубоść* vs *вежливость*, *уважение к культуре* (принимающей страны) vs *презрение к культуре*.

В построении текстов, принадлежащих к миграционному дискурсу, как и в других видах современной общественно-политической коммуникации, активно используется принцип полимодальности (мультимодальности) коммуникативных средств. Полимодальность предполагает комбинирование в одном тексте элементов разных семиотических систем.

В печатных и электронных средствах общественно-политической коммуникации комбинируются вербальные и визуальные компоненты, такие как фотографии, видео, живописные изображения. Разными семиотическими средствами в СМИ часто представлены метафоры, относящиеся к явлению миграции. В монографии «Новое в миграционной лингвистике» этот прием исследуется на примере фотографий во французских и российских СМИ. Сопоставительный анализ выборки из 20 фотоснимков иммигрантов в разных обстоятельствах показал, что в них конструируется и воспроизводится сходный образ. Об этом свидетельствует целый

ряд общих для французских и российских СМИ композиционных особенностей. Так, отмечается явное преобладание групповых портретов, при этом у адресата создается впечатление общности и тесноты в ущерб личностным характеристикам; взгляды людей чаще направлены в сторону от камеры, что также мешает восприятию личности объекта изображения; одежда людей практически одинакова; фотографии отличаются тусклыми цветами. Кроме того, на фотоснимках четко видна этническая принадлежность людей, маркирующая их как иммигрантов: в российских СМИ это выходцы из азиатских стран, во французских – из азиатских и африканских. В результате авторы приходят к выводу, что через визуальный компонент проанализированных текстов у читателя формируются следующие представления об изображенных на снимках и связанных с мигрантами ситуациях: «единение по необходимости и в ущерб личности»; «трудность ситуации, в которой они оказались и отсутствие широких возможностей»; «чужесть изображенных людей» [Новое в миграционной лингвистике, 2019, с. 118].

Полимодальность в миграционном дискурсе является инструментом метафорической репрезентации темы. Например, на карикатуре, помещенной в одном из французских СМИ в период миграционного кризиса, связанного с наплывом иммигрантов, изображена лодка, перегруженная людьми. В качестве вербальной части карикатура содержит надпись: *Pas plus que nous! Migrants: l'Europe débordée* – «Никого кроме нас! Мигранты: перегруженная Европа». Карикатура интерпретируется как сложная визуальная метафора, интегрирующая онтологические и ориентационные компоненты: ‘Европа – лодка, мигранты – ее пассажиры’. Изображение лодки – часть онтологической метафоры ‘контейнер’. Мигранты, как следует из изображения, перегрузили лодку, поэтому она может утонуть (т.е. ‘пойти вниз’) – ориентационная метафора. Верbalная часть, сопровождающая изображение, прямо объясняет его смысл. В результате у адресата текста создается представление ‘Европа сегодня – место только для мигрантов, и больше ни для кого’. В данном случае полимодальная метафора не только изображает ситуацию, но и формирует точку зрения на одну из центральных для миграционного дискурса тем – неконтролируемость миграции в Европу. Поэтому она является средством управления сознанием и поведением членов общества [там же, с. 131].

В миграционном дискурсе действенным инструментом воздействия на адресатов стали прецедентные феномены. Прецедентные феномены (имена, выражения, тексты, аллюзии на ситуации)

являются культурным пластом, который участвует в формировании картины мира носителей языка. В дефинициях прецедентных феноменов выделяются три ключевые характеристики: 1) известность прецедентного феномена всем носителям языка или какой-либо социальной группе и его узнаваемость при употреблении в коммуникации; 2) частая воспроизведимость носителями языка или какой-либо социальной группой; 3) прецедентный феномен – это знак, который имеет для носителей языка или их группы познавательную или эмоциональную значимость и связан с символами и ценностями культуры [Словарь лингвокультурологических терминов, 2017, с. 116–119].

Прецедентные феномены могут применяться в общественно-политическом дискурсе в манипулятивных целях. В статье финских исследователей Й. Мартиайнена и И. Сакки рассматривается пример применения прецедентных текстов в предвыборном видеоролике финской политической партии националистического направления – Партии финнов (Finns Party) [Martikeinen, Sakki, 2021]. В ролике, пропагандирующем антииммигантскую программу партии, используются знаки разной семиотической природы: визуальные, устные вербальные, аудиознаки (музыка). Знаки применяются интегрированно, что повышает степень воздействия всего текста на адресата. В ролике конструируется политический миф. Это понятие определяется авторами статьи как идеологически маркированный нарратив, который трактует реальные общественно-политические события и воспринимается (или должен восприниматься) как достоверный какой-либо национальной, этнической или социальной группой [Martikeinen, Sakki, 2021]. Это миф о Партии финнов и ее руководителе как о спасителях страны от наплыва враждебных иммигрантов. В роли опорных прецедентных феноменов при создании современного мифа выступают элементы архаических мифов, в которых закодированы базовые и универсальные для культур ментальные категории – модели взаимоотношений между людьми, между людьми и высшими силами, закономерные причинно-следственные связи. В видеоряде данного рекламного ролика и в сопровождающем тексте рассказана история маленькой страны. Жители ранее жили благополучно и спокойно, так как придерживались своих традиций – честных и «правильных». Затем коррумпированные власти пустили в страну «врагов»; при этом поведение и одежда врагов в ролике содержат аллюзии к представителям Востока. Они грабят, творят бесчинства, музыка и звуки взрывающихся бомб усиливают эффект. Однако

«из глубин земли» встает существо, мстящее продажным властям. В результате происходит изгнание врагов и предателей, порядок в стране восстанавливается. Этот момент маркируется благостными картинами и спокойной музыкой. В финале ролика звучит обращение лидера партии к избирателям. Он сообщает, что в фильме показан сюжет, прочитанный им в старинной книге. Чтобы сюжет не стал реальностью, зрителей призывают голосовать за Партию финнов.

Й. Мартиайнен и И. Сакки устанавливают, что в ролике воспроизводятся этапы событий эсхатологического мифа: мифическая картина Золотого века; предательство и надвигающаяся катастрофа; возмездие за предательство; раскаяние и «очищение»; восстановление порядка и справедливости. В сюжете есть «герои» – Партия финнов и ее лидер. Мотивы помощи мистических (надчеловеческих) сил, возмездия и раскаяния могут быть ассоциированы с Библией. Таким образом, в видеотексте создается политический миф антимигрантской направленности. Этот современный миф, который должен моделировать миропонимание и поведение современников, основывается на сюжетах и мотивах прецедентных текстов [Martikainen, Sakki, 2021].

Создание такого мифа – проявление стратегии, направленной на манипуляцию сознанием избирателей с целью повлиять на их позицию в голосовании. По своему содержанию приведенный видеоролик представляет собой идеологический конструкт правой националистической партии, направленный против иммигрантов, однако это не единственное политическое направление, использующее прецедентные феномены, в том числе известные мифы и стереотипы, в политических манипулятивных целях. В подобных нарративах может использоваться в качестве опорных мифов особая трактовка исторических реалий или слухи, например миф о доминировании ислама в Латинской Америке до прибытия Колумба. Так, президент Турции Р. Эрдоган на встрече мусульманских лидеров из Латинской Америки в Стамбуле заявил, что мусульмане прибыли в Латинскую Америку раньше, чем Колумб, и к 1492 г. ислам был здесь широко распространен: «*The religion of Islam was widespread in the New World when the Italian explorer made landfall in the Caribbean in 1492 [...] Muslim sailors had arrived on the shores of America in 1178*», he told delegates. He further voiced his hope of building a mosque on the mountaintop (The Times, 17.12.2014)» – «Ислам был широко распространен в Новом свете, когда итальянский исследователь высадился в Карибском регионе в 1492 г. [...] Мусульманские мореплаватели прибыли на берега Америки в

1178-м”, – сказал он [Р. Эрдоган] делегатам. Далее он заявил, что надеется на то, что на вершине горы будет построена мечеть» (перевод мой. – *E.O.*). Слухи в отличие от мифов не имеют оформленной структуры, однако они также используются в манипулятивных целях, чтобы заставить адресатов совершать желательные для политиков действия [Шустова, Костева, Хорошева, 2019].

Тема миграции представлена в полимодальном по своей природе художественном кинематографе. В определенных социальных ситуациях кино может стать ведущим инструментом и локусом конструирования концептов миграции и мигрантского дискурса. Художественные фильмы не только выражают коллективные представления, они также формируют и трансформируют их [Charitonidou, 2021]. В этом плане значителен пример итальянского кинематографа неореалистического направления. В фильмах неореалистического направления, как и в современных фильмах, снятых мигрантами и о мигрантах (New Migrant Films), тематика миграции тесно связана с целым рядом других важных тем, таких как национальная идентичность итальянцев, противоречия урбанистического Севера и сельского Юга Италии, социальные контрасты, гендерный вопрос. М. Чаритониду рассматривает эти взаимосвязи на примере фильмов знаменитых кинорежиссеров-неореалистов, снятых в 40–60-х годах XX в.: «Рим – открытый город» Р. Росселлини (*Roma città aperta*, 1945), «Мама Рома» П.П. Пазолини (*Mamma Roma*, 1962), «Крыша» В. де Сика (*Il tetto*, 1956), «Самая красивая» Л. Висконти (*Bellissima*, 1951). В статье М. Чаритониду показано, что в фильмах неореалистического направления создавались вербальные концепты, связанные с миграцией и объединившие вокруг себя важнейшие темы культурной и социальной проблематики. Так формировалась более широкая и специфическая для Италии система представлений о миграции и мигрантах, не сводимая к центральным вербальным концептам. К вербальным единицам, на основе которых сформировались новые концепты, относятся, например, лексемы *borgate* / *borgatari* и *popolana*. Наименование *borgate* обозначает тип поселений, возникших после Второй мировой войны на окраинах Рима. Эти территории по первоначальному замыслу администрации города отводились для постройки кварталов для римлян, которые не имели достойного жилья в городе или по экономическим соображениям не могли жить в столице. Однако в тех же местах возникали трущобы, построенные многочисленными переселенцами с сельского Юга страны. Дома переселенцев строились самочинно, и *borgate* были

полулегальными. При этом действовало правило: постройку нельзя было сносить, если она имела крышу (отсюда – название и тема фильма В. де Сика «Крыша», его герои должны построить крышу над своей хижиной в течение нескольких часов). В Италии *borgate* стали особыми символами убогого человеческого жилья в стране с богатым историческим прошлым и культурой. Люди в таких поселках, получившие название *borgatari*, чувствовали себя чужими в своей стране и именно так осознавались жителями города. Семантический комплекс, сформировавшийся вокруг понятия ‘*borgatari*’, можно рассматривать как концепт: это ‘бедняки-переселенцы, внутренние мигранты и изгои в Италии’.

Темы ‘*borgate*’ и ‘*borgatari*’, в свою очередь, стали частью концепта национальной идентичности итальянцев – ‘*italianità*’ и способствовали пересмотру его стереотипа. Было показано, что итальянцы по своему социальному положению, по региональным особенностям и культуре очень разные. Характерно, что при обсуждении тем *borgate* и *borgatari* использовались тропы агональной и военной сферы: “*cultural genocide*” – «культурный геноцид»; “*Population was culturally destroyed*” – «Население было уничтожено в культурном смысле» (это высказывания П.П. Пазолини, которые приводятся в переводе на английский [Charitonidou, 2021]). Социологи оценивали ситуацию, отображенную в фильмах, через образы чужих, низших: *a colony* – «колония»; “*the 3rd world at home*” – «третий мир дома»; “*where down- and outs live*” – «Где живут те, кто оказался внизу и вне» [ibid.].

Слово *popolana* переводится как «простолюдинка», «женщина из народа». Эта лексема стало вербальным ядром социального и культурного концепта, который возник благодаря неореализму и не совпадает со стереотипами женщины в итальянской культурной традиции. Ранее, помимо образа женщины – объекта сексуального желания и поклонения (через ассоциацию с Богоматерью), типичными и воспроизводимыми были также образы женщины как матери и жертвы [ibid.]. ‘*Popolana*’ явно не вмещалась в установленные стереотипы. Прежние роли могут быть при ней: она остается матерью, она может быть и проституткой. Однако одновременно это женщина, которую жизнь заставляет бороться с несправедливостью, с пренебрежительным отношением к себе, за собственное достоинство, за будущее ребенка. Яркие примеры – образы в фильмах «Мама Рома» П.П. Пазолини и «Самая красивая» Л. Висконти. Связь гендерной темы с мигрантской заключается в том, что женские персонажи оказываются в положении, которое

точно характеризуется метафорами *down- and outs, a colony, the 3rd world at home*. Они чужие и низшие в своей стране. Например, героиня фильма «Мама Рома», роль которой исполняет Анна Маньяни, – мать сына-подростка и бывшая проститутка, отказывается от прежнего образа жизни. Она сумела накопить денег для покупки скромной квартиры в новом доме на окраине Рима, где поселилась с сыном. Однако выйти из фатального круга низкого социального статуса и бедности ей не удается. Пригород, где разворачивается действие, производит на зрителя впечатление пустынного и необжитого пространства – приметы культуры или цивилизации там отсутствуют. Героиня борется с ситуацией, но не в состоянии хоть как-то подняться по социальной лестнице. История заканчивается трагически: подросток связывается с местной дурной компанией, участвует в попытке преступления и погибает в полицейском участке от насилия полиции.

Традиции осмыслиения тематики внешней и внутренней миграции в связи с национальной идентичностью продолжаются в итальянском кинематографе в современном направлении, называемом «новое мигрантское кино» (New Migrant Cinema). Фильмы, принадлежащие к этому направлению, создаются как кинорежиссерами-итальянцами, так и теми, кто является мигрантом.

В новом мигрантском кино в центре внимания те же вопросы: личная и групповая идентичность, «свои» и «чужие», гендерная тема, тема города. При этом взгляд режиссеров серьезно изменился: объекты исследования представлены как в принципе нестабильные и изменчивые. Вместо национальной идентичности – концепта, предполагающего единство народа, культурно-психологическое сходство его представителей между собой, – возникают концепты ‘extracomunitario’ – «человек, который находится или ощущает себя вне сообщества», и ‘comunità in arrivo’ – «приходящее сообщество». Исследователи считают данные концепты ключевыми для осмыслиения субъектности мигранта в современном итальянском кино. Поскольку в новом кино национальная и личная идентичности оказываются негомогенными и нестабильными, стираются также бинарные противопоставления «я» – «другой» и «свой» – «чужой». Субъект как бы постоянно превращается в «другого», индивидуальность перевоссоздается [Charitonidou, 2021]. Эти идеи представлены в фильмах: Дж. Амелио «Ламерика» (Lamerica, 1994), Ф. Озпетека «Несведущие феи» (Le fate ignoranti, 2001), Э. Олми «Картонная деревня» (Il villaggio di cartone, 2011) и др. Еще одним новым вербальным центром концептуального по-

ля оказывается ‘terrone’. Слово буквально переводится как «крестьянин», но обычно относится к иммигранту из стран Африки. Критические ситуации, в которых находятся terrone, оказывают влияние на коренное население и ставят их перед выбором. В фильме «Картонная деревня» группа нелегальных иммигрантов из Африки старается по-своему обустроить место, где они обосновываются после прибытия. Они находят убежище в церкви, которая должна закрыться «за ненадобностью». Эта ситуация заставляет местного священника, потерявшего смысл жизни, сделать выбор, также связанный с осознанием вопроса о «своем» и «чужом»: подчиниться закону или помогать людям, находящимся в тяжелом положении [Charitonidou, 2021].

В настоящее время переосмысление устойчивых представлений, связанных с темами миграции и мигрантов, происходит через кинематограф не только в Италии. Вопросы о сущности национальной, групповой и индивидуальной идентичности, о соотношении сообщества и отдельного человека, о связи миграции с гендерной тематикой – среди наиболее важных для европейского кино [Pedraza, 1991; Fullwood, 2015]. Однако мигрантский дискурс и его концепты развиваются не только в кинематографе: обсуждение темы миграции / иммиграции, поднятой в кинематографе, продолжается в кинокритике. Далее выраженные в фильмах представления о миграции и динамика в восприятии данного явления находят отражение также в социологических и культурологических работах, где интегрируются исследования миграции и личности, миграции и гендера, миграции и урбанизма. Таким образом, тема миграции в современном кино влияет не только на отношение общества, но и на тематику антропологически ориентированных научных исследований [Pedraza, 1991; Nawyn, 2010; Rings, 2016].

4. Языковая и культурная адаптация мигрантов в принимающей стране. Миграция и образовательный дискурс

Интенсивная миграция, включая внешнюю, трансграничную, отражается на всех сторонах жизни как самих мигрантов, так и принимающей стороны. Проблемы возникают в разных сферах: политической, социокультурной, образовательной, экономической, лингвистической.

Отдельной сферой миграционной тематики является языковая. Исследователи выделяют следующие грани темы «современная миграция и язык»: необходимость языка коммуникации как предмет первостепенной важности для переселенца; языковая политика государства относительно мигрантов; вопрос о языке / языках в межнациональных семьях; роль языка / языков как средства идентификации и самоидентификации; роль языкового капитала в современной ситуации.

Характер миграции в современном мире, в том числе развитие новых типов миграции, приводит к повышению роли английского языка как реально функционирующего средства межнационального общения. Фактор языка оказывается очень действенным во всех сферах жизни мигрантов, в том числе в получении образования. Еще одна сторона вопроса, затрагивающая и внутриязыковые, и экстралингвистические условия, – развитие вариантов языков [Шустова, Костева, Хорошева, 2019; Capstick, 2020].

Т. Капстик утверждает, что потребность в языке коммуникации входит в число предметов первой необходимости для мигрантов-переселенцев. Исследователь полагает, что в местах приема переселенцев необходимо придерживаться следующих принципов, способствующих их первоначальной адаптации: 1) использование родного для переселенцев языка и в случае необходимости повышение грамотности; 2) возможность изучения других языков и развитие социальных связей через изучение иностранного языка; 3) создание мультиязыкового пространства, поддерживающего изучение языка. Отдельная сторона вопроса – развитие профессиональных навыков преподавателей с учетом потребностей мигрантов [Capstick, 2020].

Конкретные ситуации, в которых оказываются трансграничные мигранты в начальный период пребывания в новой стране, разнообразны, однако всегда для их адаптации необходимо двустороннее взаимодействие между иммигрантами (индивидуами или сообществами) и принимающей стороной. Поскольку язык является главным средством коммуникации, вопросы языковой интеграции занимают ключевую позицию для исследования путей адаптации мигрантов.

Многие из тех, кто осуществляет трансграничную миграцию, совершенно не владеют языком принимающей страны или владеют на низком уровне, недостаточном для успешного общения. Интенсивная миграция стала одним из факторов, которые в конце XX – начале XXI в. привели к появлению особой разновидно-

сти переводческой деятельности, а именно социального перевода. М.Б. Раренко характеризует социальный перевод как деятельность по осуществлению межъязыкового перевода, которая «происходит в осложненных социальных условиях (незнание культуры принимающего общества, в том числе его традиций, обычаяев, морали, ценностей, приемлемых и неприемлемых правил поведения и пр.)» [Раренко, 2022, с. 36].

Социальный перевод касается не только мигрантов, но и других групп, например людей с ограниченными физическими возможностями. По отношению к мигрантам он представляет собой необходимую практику, осуществляющую связь с социально-политическими институтами принимающей страны. Социальный перевод может затрагивать самые разные сферы жизни общества, но наиболее востребованными являются юридическая и медицинская. Социальный перевод, осуществляемый, как правило, волонтерами, играет важную роль в гармонизации общественной жизни в условиях, когда интенсивная миграция повышает вероятность конфликтов. Волонтеры-переводчики «выступают не только в качестве языковых медиаторов, но и помогают мигрантам понять и осознать новые социокультурные реалии, безусловно, оказывая огромную поддержку и мигрантам, и принимающему их лингвокультурному сообществу, поскольку в значительной степени способствуют снижению социальной напряженности в принимающем мигрантов обществе» [Раренко, 2022, с. 37].

Одна из сторон миграционной лингвистики – вопрос об обучении иммигрантов языку / языкам, используемым в принимающей стране, и о необходимой степени лингвистической компетенции, которая позволит иммигранту успешно осуществлять коммуникацию в стране пребывания. В миграционной лингвистике выделяют три степени компетенции и, соответственно, интеграции, в зависимости от уровня владения языком принимающей страны. 1. При слабой лингвистической интеграции знаний языка и навыков его использования недостаточно для успешного решения и разрешения проблемных ситуаций. Их разрешение требует помощи третьих лиц. В результате иммигрант не способен принимать участие во многих событиях и процессах новой страны пребывания, а предпочтительным средством самовыражения и самоутверждения для него остается родной язык. 2. При функциональной интеграции языковых ресурсов достаточно для общения в основных сферах жизнедеятельности – личной, социальной, профессиональной. Возникающие языковые ошибки не мешают эффектив-

ной языковой и межкультурной коммуникации. Родной язык не всегда является средством самовыражения и самоутверждения личности. 3. При интеграции языковых ресурсов язык принимающей страны занимает место на одном уровне с ранее известным языком или языками. Язык принимающей страны может служить средством самовыражения мигранта наравне с родным языком, и в большинстве ситуаций легко осуществляется переход с одного языка на другой. Компетенция в сфере культуры страны иммиграции также отличается высоким уровнем. Таким образом, констатируется, что на третьем уровне языковой интеграции мигрант овладевает двумя языковыми и культурными референциальными системами: «Такую языковую ситуацию можно сравнить с двойной национальностью» [Царенко, 2019, с. 106].

Одним из показателей и элементов реализации такого уровня языковых знаний и культурных навыков является употребление в речи дискурсивных маркеров, помогающих начинать, продвигать и завершать диалог с собеседником. К таким языковым элементам относятся, например, формулы: *Скажи(te), пожалуйста; сначала... затем... потом; а, ну вот / ну вот; конечно / ладно*. Дискурсивные маркеры несут в коммуникации не только этикетную функцию. Они координируют позицию собеседников, сигнализируют о желании продолжить разговор, помогают проверить правильность понимания намерений собеседника, очередной реплики и умозаключения, а также осуществляют другие коммуникативные и когнитивные функции [там же, с. 108]. Поэтому исследования в области дискурсивных элементов важны не только теоретически, но также для совершенствования преподавания русского языка как иностранного, в том числе мигрантам.

В числе актуальных вопросов, связанных с изменениями в образовательной сфере, не только тема языкового образования иммигрантов, которая позволит им успешно адаптироваться в принимающей стране [Шустова, Костева, Хорошева, 2019; Дружинина, 2019]. В последние десятилетия интенсифицировалась миграция, связанная с высшим образованием и научной деятельностью, что обусловлено процессом их интернационализации [Haberland, Mortensen, 2012; Lindström, 2012; Risager, 2012].

Субъектами процесса интернационализации высшего образования становятся преподаватели, аспиранты и студенты. Эти социальные группы относятся к мобильным в современном обществе, они часто приезжают работать и учиться в другую страну. Многие студенты впоследствии остаются в стране, в которой по-

лучили образование. Приток иностранных студентов в западные университеты увеличивается, при этом число иностранных студентов стало одним из показателей успешности работы университета: «... по понятным причинам в мире уже сложились условия жесткой конкуренции университетов за абитуриентов из других стран» [Дружинина, 2019, с. 103]. Эти разновидности профессиональной миграции привели к интернационализации многих университетов, и этот процесс серьезно затронул Европу [Lindström, 2012; Risager, 2012; Söderlundh, 2012]. Сложившиеся обстоятельства способствуют продвижению английского языка как языка межнационального общения: во многих университетах ряд курсов преподается на английском языке. Такие университеты называют *international universities*, т.е. интернациональными, или международными. Включение языка межнационального общения в число языков преподавания свидетельствует о возникновении глобального рынка в сфере высшего образования, в котором фактор многоязычия имеет экономические основания и может рассматриваться как языковой капитал. Также признается, что в стремлении привлечь преподавателей и студентов из разных стран важную роль играют соображения о престиже университета [Risager, 2012].

Преимущества и проблемы образовательной политики, ориентированной на английский как язык высшего образования, ярко проявляются на примере университетов Северной Европы, где стремление высшего образования к билингвизму и полилингвизму проявляется давно и очень заметно. Финский исследователь Й. Линдстрём [Lindström, 2012] разделяет университеты Северной Европы на три группы в зависимости от того, какой языковой политики они придерживаются: 1) монолингвальные (использующие язык большинства или же меньшинства того региона, в котором они действуют); 2) билингвальные (использующие языки большинства и меньшинства данного региона); 3) университеты, стремящиеся к языковому многоязычию (использующие язык или языки страны и язык межнационального общения, в роли которого обычно оказывается английский). Примером университета, языковой политикой которого является многоязычие, в последние десятилетия стал университет Хельсинки: здесь имеется значительное количество международных групп, в которых английский используется как главный язык общения. В целом в университете как в преподавании, так и в исследовательской работе задействованы финский, шведский и английский. Опросы показали, что недостаточное применение английского языка осознается большинством

студентов как недостаток образовательной программы. Однако доминирование английского сужает сферы использования финского и шведского языков. Они к тому же являются официальными языками Финляндии. Ситуация в других университетах Северной Европы показывает, что при общей декларации «англоязычности» образовательного курса в действительности в процессе преподавания достаточно часто используются родные языки студентов, например при обсуждении темы или выполненных заданий. Основываясь на фактах совмещения языков в процессе преподавания, Х. Хаберланд и Дж. Мортенсен отрицают утверждение о тотальном доминировании английского языка и маргинализации других языков в процессе высшего образования в Европе [Haberland, Mortensen, 2012; Опарина, 2015]. Таким образом, политика языкового многоязычия в университетах Северной Европы выявила определенные сложности ее реализации и противоречия между потребностями интернационализации образования, с одной стороны, и интересами представителей страны или региона – с другой [Lindström, 2012; Söderlundh, 2012]. Однако в целом совмещение двух тенденций – с одной стороны, выбор каждым университетом собственных направлений и решений, с другой – необходимость «вписаться» в процесс создания общего образовательного пространства, отвечающий потребностям современного мобильного общества, – способно служить предпосылкой развития моделей языковой образовательной политики на международном уровне [Дружинина, 2019, с. 120].

Исследователи также подчеркивают политические аспекты интернационализации образовательной среды в современном мире. Языковая образовательная политика связана с вопросами взаимоотношений стран, с языковой политикой стран и регионов, с вопросами культурного взаимодействия и культурной самоидентификации личностей, групп населения, стран и регионов. В целом сегодня, как полагает М.В. Дружинина, в разных странах мира есть стремление и условия для развития систем образования в сторону «поли» (под данным термином понимаются многообразие в сферах языков и культур, полисубъектность, а также вариативность методологий и моделей обучения) и в сторону «само» (самостоятельность, самосовершенствование, самореализация) [Дружинина, 2019].

Особым ракурсом изучения миграционного дискурса является анализ миграционного (мигрантского) образовательного дискурса. Под этим термином понимается «совокупность текстов,

созданных мигрантами, для мигрантов и о мигрантах на тему их обучения и образования» [Шустова, Костева, Хорошева, 2019, с. 6]. Исследования в данной области направлены на то, чтобы выявить реальные потребности мигрантов и их сообществ в изучении языка принимающей страны и создать возможности для повышения уровня языковых знаний и навыков. Мигрантский образовательный дискурс взаимодействует с другими разновидностями мигрантского дискурса и является частично институциональным. В число участников мигрантского образовательного дискурса входят, с одной стороны, государственные структуры и их представители, (учителя, разработчики программ), с другой – мигранты и их дети.

Известно, что незнание или недостаточное знания государственного языка принимающей страны ставит иммигранта в уязвимое положение, закрывая доступ к общественной сфере и облегчая манипуляции по отношению к мигрантам и их группам. Уязвимыми оказываются и дети иммигрантов, которые часто не владеют языком новой страны или владеют им на низком уровне. Изучение вопроса на примере Германии [Шустова, Костева, Хорошева, 2019] показывает, что обсуждение данной проблематики активно проходит онлайн. Взрослые представители мигрантских сообществ делятся опытом и дискутируют по поводу применяемых в школах Германии моделей обучения немецкому языку. В центре многих дискуссий – созданные для детей мигрантов специальные классы (Willkommenklassen). По замыслу такие классы должны способствовать лучшему овладению языком за определенный отрезок времени, не создавая для учащихся трудностей в усвоении предметов из-за плохого понимания объяснений на общих уроках. Однако родители жалуются на то, что такие классы в действительности изолируют детей мигрантов от других учащихся, вынуждая существовать в ограниченном социокультурном пространстве.

Изучение онлайн-переписки по данной теме свидетельствует о многообразии применяемых ее участниками коммуникативных стратегий, тактик и реализующих их ходов. Главными стратегиями являются кооперативная и конфронтационная, которые могут чередоваться или комбинироваться в диалоге / полилоге, как и тактики и коммуникативные ходы. Например, часто комбинируются между собой тактики и ходы просьбы, совета, уточнения, повтора, обобщения, а также отстранения, упрека, претензии, прерывания коммуникации.

В целом развитие миграционного образовательного дискурса исследователи называют позитивным процессом, способствующим

развитию поликультурного образовательного пространства и толерантности в вопросах миграции [Шустова, Костева, Хорошева, 2019].

5. Миграция как триггер языковых изменений

Исследования языковых трансформаций, связанных с миграционными процессами, стали одной из задач миграционной лингвистики. В качестве главной причины трансформаций называют интенсификацию межязыковых и межкультурных контактов.

По мнению немецкого исследователя Томаса Штеля (Thomas Stehl), «тема “Миграция и язык” будет наиболее обсуждаемой в лингвистике в последующие десятилетия наряду с проблемами изменения климата, глобализации экономики и новых политических, социальных и военных угроз» [цит. по: Мороз, Чурилова, Калашникова, 2021, с. 207]. В результате массовой миграции XX–XXI вв. языковые социумы сталкиваются с разными, часто противоположными тенденциями, такими как интеграция и развивающееся двуязычие / многоязычие, с одной стороны, и стремление к языковой и культурной изоляции – с другой.

Тема воздействия миграционных процессов на язык активно изучается в немецкой лингвистике, так как именно Германия в последние десятилетия стала для мигрантов наиболее популярной европейской страной. К 2012 г. пятая часть населения Германии (16–17 млн жителей) могла быть отнесена к категории мигрантов. Исследователь Уве Хинрикс (Uwe Hinrichs) отмечает, что в результате языковых контактов и конфликтов, усилившихся вследствие интенсивной миграции, происходят изменения структуры немецкого языка. Контакты носителей разных языков в стране приводят к возникновению новых форм грамматики и лексики немецкого языка и постепенному изменению его норм. Особенно интенсивно эти процессы происходят в крупных агломерационных пространствах, где возникают даже формы пиджинов. Пиджины – упрощенные языки, которые появляются при необходимости общения между группами людей, не имеющих общего средства коммуникации. В создании пиджинов современной Германии участвуют многие этнические группы – турки, арабы, поляки, русские, португальцы.

Н.Ю. Мороз, Н.В. Чурилова и Е.А. Калашникова, опираясь на выводы немецких исследователей (Т. Штель, У. Хинрихс), отмечают, что проявившаяся тенденция к упрощению языковых

форм постепенно приводит к изменению норм немецкого языка [Мороз, Чурилова, Калашникова, 2021, с. 207]. Преобладание тенденции к упрощению ярко проявляется в так называемом *Migrantendeutsch* – немецком языке, на котором говорят мигранты, а также в *Kurzdeutsch* – устном языке городских окраин, популярном преимущественно среди молодежи. Исследователи выявляют закономерности, которые характеризуют эти языки и перенимаются местным населением. Среди грамматических сдвигов в сторону от классической нормы немецкие исследователи выделяют как наиболее часто встречающееся явление отсутствие артикля. Этой особенностью отличается речь иммигрантов. Если же артикль сохраняется, то мужской род часто выступает в роли общего артикля, особенно в заимствованных словах: *der Stereotyp, der Meeting*. Такая тенденция может со временем стать нормой. Отмечается также смешение падежных функций: *Das Auto von meinem Vater* (вместо *meines Vaters*) – «Автомобиль моего отца»; *Er hat es ihn versprochen* (вместо *ihm versprochen*) – «Он ему обещал». Помимо этого не используются сложные грамматические категории, например временные – плюсквамперфект и условное наклонение. Сложные слова, столь характерные для классической нормы немецкого языка, распадаются на составляющие их лексические единицы: *Privatleben* –> *privates Leben* – «частная жизнь»; *Osterfeiertage* –> *Feiertage an Ostern* – «пасхальные каникулы». Среди синтаксических упрощений отмечается трансформации синтаксических моделей, принятых в немецком языке, например употребление *gibt* вместо характерного для нормы оборота *es gibt* – «имеется, есть». Изменения затрагивают также другие языковые уровни.

В лексике современного немецкого языка, как результат влияния миграции, закрепилось множество иностранных слов турецкого и арабского происхождения. Их референтами, как правило, являются реалии восточной жизни: *Kebab, Hamam, Ramadan, Dzhihad, Burka, Bayram* [там же].

Фиксируются также фонетические и фонематические изменения, такие как несоблюдение долготы и краткости или открытости и закрытости при произнесении немецких гласных.

Связь миграционных процессов и языковых изменений – одна из тем онлайн-энциклопедии «Миграция в Европе: С XVII века по настоящее время», где миграционные процессы (по 2010 г.) анализируются с учетом исторического фона, в том числе социальных, культурных и языковых условий развития [Enzyklopädie Migration in Europa ..., 2007]. Цель авторов энциклопедии, как ее

формулирует В.М. Костева, «заключалась в максимальном охвате явлений, связанных с перемещением относительно больших масс населения, которые входят в общее родовое понятие миграция» [Костева, 2022, с. 79]. В.М. Костева выделяет описанные в энциклопедии языковые явления, обусловленные активными миграционными процессами и характеризующие концептуальные и вербальные аспекты миграционного дискурса. Например, развитие терминологии миграционного дискурса в немецком языке отражает разнообразие точек зрения и идей, относящихся к миграции и мигрантам и возникших за 40 лет. В качестве примера берутся слова, обозначающие само явление миграции в немецком языке. Среди них часто употребляются лексемы: *Zuwanderung* – «иммиграция», «въезд», *Auswanderung* – «эмиграция», «выезд», *Vertrieb* – «изгнание», букв. «распределение», *Flucht* – «бегство». Прямого обозначения мигрантов многие авторы избегают, вводя в коммуникацию лексемы: *Zuwanderer* – «иммигрант», *Arbeitswanderer* – «рабочий мигрант», *Siedler* – «переселенец», *Flüchtlings* – «беженец», *Deportierte* – «депортированный» и др. [там же]. Активное участие этих слов в миграционном дискурсе свидетельствует о расширении словаря миграции, стремящегося вербализовать разные аспекты явления. В ряде случаев отход авторов текстов от прямых обозначений можно расценить как нацеленность на политкорректность.

В фокусе внимания авторов энциклопедии также история миграции, в том числе культурная и образовательная, которые нашли отражение в языке. Например, в энциклопедии описывается история пребывания российских студентов в немецкоязычных кантонах Швейцарии, где они в период обучения жили отдельными поселениями. У них были свои читальные залы, кассы взаимопомощи, общие столовые. Обращает на себя внимание «классификация» российских студентов-мигрантов по полу и национальной принадлежности, что отразилось в немецком языке принимающей стороны. Так, вследствие большого количества девушек-студенток из России, особенно обучающихся медицине, университет г. Берна получил название *Slawische Mädchenschule*, букв. «славянская школа для девушек». При этом среди швейцарского населения ходило также специфическое образное прозвище студенток из России: *Kosakenpferdchen*, букв. «лошадки для казаков» [Костева, 2022, с. 84]. В числе российских студентов в Швейцарии были представители разных национальностей, и все они назывались *Slawen* «славяне» и *Orientalen* «восточные» [Enzyklopädie Migration in Europa ..., 2007, S. 931–932].

Определенные типы миграции способствуют формированию терминологии социолектов. Например, явление так называемого шабашничества в СССР, которое рассматривается авторами энциклопедии как вид внутренней рабочей миграции, привело к созданию ряда производных от слова *шабаш* и к активизации синонимичных лексем: *шабашить, шабашник; калмыцк, отходник, сезонник*. Проявилась также смысловая дифференциация между *шабашниками* и членами рабочих групп других типов, например *артельщиками* (добровольное и равноправное объединение для коллективной работы, часто на основе круговой поруки) и *гектарниками* (они занимались сельским хозяйством) [цит. по: Костева, 2022, с. 82].

Таким образом, немецкая энциклопедия, посвященная теме миграции, основана на представлении о тесной связи между этим явлением, с одной стороны, и его историческим и культурно-языковым контекстами – с другой. Сведения о языке миграции с охватом ее разных граней способствуют установлению антропологически ориентированной и более полной картины миграции и ее участников. Социологические и культурно-исторические данные, дополненные лингвистическими, показывают важную роль миграции во всех сферах жизни Европы и помогают выявить ее перспективы [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной целью обзора мы ставили изучение языковых средств и способов создания представлений о миграции и мигрантах в современном русском языке и в общественном сознании. Мы следуем пониманию концепта как ментальной единицы, как системы коллективных представлений, включающей в свое содержание рациональные, эмоциональные и обусловленные культурой компоненты. Концепты репрезентируются в культуре посредством знаков разных семиотических систем. Однако, как правило, важные для языкового сообщества концепты получают выражение в верbalной системе, т.е. в естественном языке. Лингвистику интересуют прежде всего языковые концепты. Концепт – многосторонний и сложный феномен, который формируется и существует в широком социально-культурном и историческом контексте. В ходе изучения темы было установлено, что концепты, относя-

щиеся к сфере миграции как социально-политического явления, рассматриваются учеными как объекты миграционной лингвистики – обширной ветви лингвистики, исследующей все взаимосвязи между языком и миграцией. Миграционной лингвистикой широко используется понятие «миграционный дискурс»: под этим термином понимаются все тексты, созданные мигрантами, о мигрантах и для мигрантов. Данное понятие чрезвычайно важно, так как системы представлений, получающие материальное воплощение в языке, формируются и развиваются именно в дискурсах.

Ключевыми вербальными концептами миграционной лингвистики признаются ‘миграция’ и ‘мигрант’. Языковой материал и его анализ, представленный в работах, показывают, что эти единицы наиболее полно отображают содержание понятий и представлений о референтах (о самом явлении миграции и его действующих лицах). Вокруг них образуется сеть синонимических обозначений, каждое из которых выражает фрагмент понятия. Возникают также неологизмы, расширяющие и развивающие понятие. Они следуют существующим словообразовательным моделям и могут формировать словообразовательные гнезда. Это направление в развитии миграционных концептов подтверждается материалом не только русского, но и других европейских языков – английского, французского и немецкого.

Для развития концептов чрезвычайно важным оказывается то, что ключевые для его смысла лексические единицы активно формируют систему словосочетаний. Многие из словосочетаний активно употребляются в миграционном дискурсе и обретают свойства воспроизведимости и устойчивости. В фокус содержания устойчивых и воспроизведимых аналитических единиц попадают те черты обозначаемых объектов, которые воспринимаются носителями языка как главные в явлении. Выделяемые языковым сознанием носителей языка характеристики явления, как рациональные, так и эмоционально окрашенные, являются диагностическими при анализе концептов. Все перечисленные свойства ключевых концептов миграционного дискурса дают исследователям основание рассматривать их как полевые структуры.

Важным свойством концептов, которое находится в центре внимания исследователей, является их полимодальный характер. Полимодальность концептов обусловлена тем, что важные для носителей языка смыслы выражаются средствами разных семиотических систем. Полимодальная презентация концептов миграционной лингвистики, как и смыслов, принадлежащих к другим

сферам, поддерживается возможностями современных технологий. В обзоре были проанализированы карикатура во французских СМИ, кинофильмы определенных направлений (созданные в Италии) и рекламный видеоролик финской политической партии. В данных текстах знаки, принадлежащие к разным семиотическим системам, применяются комбинированно. Ведущими являются вербальный и визуальный коды. Комбинирование знаков разных семиотических систем, как подтверждают работы исследователей, усиливает воздействие текстов. Это утверждение верно в отношении ключевых концептов миграционной лингвистики – ‘миграция’ и ‘мигрант’. Интеграция вербальных и наглядных визуальных компонентов усиливает как рациональное воздействие, так и эмоциональное, используя прямые и образные средства выражения, которые принадлежат к обеим семиотическим системам. Пример фильмов неореалистического направления в Италии показывает, что кинематограф при определенных социально-культурных условиях способен играть ведущую роль в формировании и переосмыслении важных для лингвокультурного сообщества концептов, таких как концепт национальной идентичности, тесно связанный с темой миграции.

Материал свидетельствует о том, что развитие концептов происходит в дискурсах. Для динамики концептов миграционной лингвистики первостепенное значение имеет социально-политический дискурс, тесно связанный с миграционным. Вербальные обороты, используемые в социально-политическом дискурсе, распространяются через СМИ в разговорной речи и влияют на восприятие темы миграции, на стереотипы восприятия и в конечном итоге на отношение общества к мигрантам и миграции.

Значительным фактором, оказывающим воздействие на формирование концептов миграции в лингвокультуре, являются фоновые знания и глубинные пласти культуры, вне зависимости от того, осознаются они носителями языка или действуют неосознанно. Например, в сфере традиционных русских пословиц и поговорок слова *мигрант* и *миграция* не используются. Однако одной из тем пословиц является переселение. Переселение – суть процесса миграции и в наше время. Пословицы, зафиксированные в словаре В.И. Даля, позволяют понять, что отношение к изменению места жительства, к уходу из родных мест в чужие оценивается народной культурой преимущественно негативно. Такая установка может быть одной из основ сегодняшнего отношения – неприятия переселенцев-мигрантов, глубоко укорененного в соз-

нании. В совершенно другом жанре коммуникации, а именно в рекламном видеоролике, пропагандирующем программу финской националистической партии, используется и переосмысливается по отношению к современности иной пласт культуры – элементы мифов.

Анализ современного языкового материала (НКРЯ) показывает, что в СМИ, в том числе в текстах, выражающих мнение широкого круга адресатов, выражена не только негативная оценка миграции. Сочетаемость и контексты употребления лексем *миграция* и *мигранты* свидетельствуют о толерантном отношении к мигрантам, о готовности им помогать и о появлении соответствующих общественных практик. Прослеживается также стремление коммуникантов объективно проанализировать и объяснить причины и роль явления миграции. Противоположные оценки явления миграции характерны не только для русскоязычного социума, но и, например, франкоязычного. При этом критерии положительной или отрицательной оценки мигрантов сходны.

В ситуации интенсивной миграции, как внутренней, так и внешней, приобрела важность проблематика языковой и культурной адаптации мигрантов. Способность мигрантов уважать язык и культуру принимающей страны, ее законы воспринимается коренным населением как основной критерий их позитивности. В такой ситуации одной из ключевых проблем является языковая. В обзоре отражен ряд направлений исследования, посвященных языковой адаптации мигрантов: 1) социальный перевод как помощь мигрантам, не имеющим никакой или достаточной языковой компетенции в стране пребывания; 2) языковое образование мигрантов разных возрастов, в том числе проблемы и способы обучения детей мигрантов; 3) язык как часть высшего образования.

Вопрос о языковой адаптации затрагивает университеты и связан с выбором языка преподавания определенных программ и курсов. Ситуация касается преподавателей, студентов и аспирантов, которые являются высокообразованной и мобильной группой населения. В данном случае возникают конфликты между английским как языком международного общения, с одной стороны, и родным языком / языками страны, в которой расположен университет, – с другой.

Наконец, исследование темы современной миграции связано с изучением влияния языков мигрантов на языки принимающих стран. Пример Германии, которая в последние десятилетия среди стран Европы стала местом наиболее интенсивной миграции, показал, что

воздействие распространяется на лексику и грамматические структуры немецкого языка. Общие направления – распространение лексических заимствований из восточных языков (с заимствованной лексикой в язык входят понятия) и упрощение синтаксических конструкций.

В целом можно сделать вывод: концепты ‘миграция’ и ‘мигрант’ как элементы социально-политической сферы формируются в общественных дискурсах. Они принадлежат к типу цивилизационных концептов, имеющих долгую историю. В современной ситуации темы, связанные с миграцией, стали активно обсуждаемыми и расширили круг употребления. В результате содержание лексем, их сочетаемость и контексты обретают для носителей языка ценностные смыслы и постепенно становятся частью культуры. Формирующаяся вокруг ключевых лексем система представлений продолжает развиваться в дискурсах.

Список литературы

- Ален М.Ю.* Полевое моделирование концептов миграция = migration // Миграционная лингвистика. – 2022. – № 4. – С. 15–25.
- Аллатов В.М.* Разграничение «свой – чужой» в языке // Языковая личность : аспекты изучения : сборник науч. статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Карапурова / под ред. И.В. Ружицкого, Е.В. Потемкиной. – Москва : МАКС Пресс, 2017. – С. 6–16.
- Ашинин Е.С.* Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 9 : Исследования молодых ученых. – 2012. – № 12. – С. 136–138.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1979. – 422 с.
- Беляевская Е.Г.* Воспроизведимы ли результаты концептуализации : (к вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 4. – С. 5–14.
- Бубер М. Я и Ты* // Бубер М. Два образа веры. – Москва, 1995. – С. 16–92.
- Виноградов В.А.* Концепты : устойчивость и подвижность : (проблеме заимствований) // Языковые параметры современной цивилизации : сборник трудов Первой науч. конф. памяти академика РАН Ю.С. Степанова / под ред. В.З. Демьянкова и [др.]. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Калуга : ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013. – С. 192–204.
- Гадамер Г.-Г.* Эстетика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – Москва, 1991. – С. 256–265.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. – 4-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык : Медиа, 2009. – 815 с.

- Дружинина М.В. О роли языковой образовательной политики университета в процессе развития миграционной лингвистики // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики : монография / Шустова С.В., Желтухина М.Р., Дружинина М. В, Зубарева Е.О. [и др.] ; Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – С. 102–156.
- 277 языков и диалектов используют народы России [Электрон. ресурс]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/29672/> (дата обращения: 21. 06. 2022).
- Зубарева Е.О., Шустова С.В. Синтагматический анализ концепта *миграция* на материале корпусных данных // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 23–43.
- Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе : лингвистический аспект. – Москва : URSS, 2014. – 260 с.
- Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология : теория и методы лингвокультурологического изучения. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
- Костева В.М. Дискурсы миграции в лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме : медиационные практики : монография / Шустова С.В., Желтухина М.Р., Дружинина М.В., Зубарева Е.О. [и др.] ; Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – С. 46–52.
- Костева В.М. Энциклопедия «Миграция в Европе с XVII века по настоящее время» как источник для исследований миграционной лингвистики // Миграционная лингвистика. – 2022. – № 4. – С. 76–84.
- Лотман Ю.М. Асимметрия и диалог // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 46–58.
- Лукьяннова А.Н., Гаспарян В.В. Позитивные и негативные последствия международной миграции в условиях глобализации // Приоритеты России. – 2008. – № 9(66). – С. 19–22 [Электрон. ресурс]. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 25.09.2022).
- Маслова В.А. Лингвокультурология : учебное пособие. – Москва : Академия, 2001. – 210 с.
- Миграционная лингвистика в современной научной парадигме : монография / Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Иценко А.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Шустова С.В. ; науч. ред. д-р филол. наук, профессор Т.И. Ерофеева ; Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019а. – 164 с.
- Мороз Н.Ю., Чурилова Н.В., Калашикова Е.А. Трансформация языковых норм в контексте миграционной лингвистики : (на примере немецкого языка // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 13(855). – С. 206–220.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.06.2022).
- Новое в миграционной лингвистике : монография / Бисерова Н.В., Антинескул О.Л., Лапина Л.Г., Мильц Е.В., Мишланова С.Л., Пермякова Т.М. – Пермь : Изд-во Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2019. – 158 с.
- Опарина Е.О. Языковая идеология как фактор, влияющий на функционирование языков в современных условиях // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сборник обзоров / РАН, ИНИОН, Центр гуманит. науч.-информ. исслед., Отд. языкоznания. – Москва, 2015. – С. 69–83.

Опарина Е.О. «Модные» слова в рекламе : слово – концепт – дискурс : (на примере англоязычных заимствований в русскоязычных рекламных анонсах) // Язык и мода : сборник статей / РАН, ИНИОН, Отдел языкоznания. – Москва, 2017. – С. 96–107.

Опарина Е.О. Тема переселения в русских пословицах и поговорках и контексты лексемы *миграция* в дискурсе российских СМИ : источники формирования концепта ‘миграция’ // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – Москва, 2022. – № 5, вып. 860. – С. 79–84.

Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. – Вып. 4. – С. 10.

Подорога В.А. Как мыслит лингвист? Теория концепта и философия языка Ю.С. Степанова : (наброски к теме) // Языковые параметры современной цивилизации : сборник трудов Первой науч. конф. памяти академика РАН Ю.С. Степанова / под ред. В.З. Демьянкова [и др.]. – Москва : Ин-т языкоznания РАН ; Калуга : ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013. – С. 13–21.

Путина О.Н. Принцип диалогизма в миграционной политике и миграционной лингвистике // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 56–67.

Раренко М.Б. Языковая структура дискурса социальной гармонии : аналитический обзор / РАН, ИНИОН, Отдел языкоznания. – Москва, 2022. – 64 с.

Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. ; отв. ред. М.Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2017. – 192 с.

Словарь русского языка : в 4-х т. [Электрон. ресурс] / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – URL: <https://kartashov/ru%DO%87%DO%BD%DO%BO%> (дата обращения: 14.01.2021).

Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Академический Проект, 2001. – 990 с.

Степанов Ю.С. Концепты : тонкая пленка цивилизации. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция : ее высокая вероятность и глубокая скровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.

Телия В.Н. О феномене воспроизведимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация : сборник научных статей. – Москва, 2005. – Вып. 30. – С. 4–42.

Телия В.Н. Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции : (к постановке проблемы) // Знаки языка и смыслы культуры : сборник науч. трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия. – Тамбов : Издат. Дом «Державинский», 2021. – С. 19–33. – (Когнитивные исследования языка ; вып. 2(45)).

Царенко Н.М. Дискурсивные маркеры русского языка как элементы лингвистической интеграции мигрантов // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 105–110.

Шалгина Е.А. Неологизмы тематической группы «иммиграция» : опыт корпусного анализа // Миграционная лингвистика. – 2022. – № 4. – С. 40–49.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Москва : Гнозис, 2004. – 327 с.

- Шустова С.В. Предисловие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме : монография / Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Иценко А.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Шустова С.В. ; науч. ред. д-р филол. наук. профессор Т.И. Ерофеева ; Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019а. – С. 4.
- Шустова С.В., Исаева Е.В. Миграционная лингвистика : становление и развитие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме : монография / Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Иценко А.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Шустова С.В. ; науч. ред. д-р филол. наук. профессор Т.И. Ерофеева ; Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – С. 5–64.
- Шустова С.В. Рекламный мигрантский и антимигрантский дискурсы // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме : медиационные практики : монография / Шустова С.В., Желтухина М.Р., Дружинина М.В., Зубарева Е.О. [и др.] ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019б. – С. 157–178.
- Шустова С.В., Костева В.М., Хорошева Н.В. Мигрантский образовательный дискурс : коммуникативные стратегии и тактики // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 4–22.
- Capstick T. Language and migration. – London ; New York : Routledge, 2020. – 287 p.
- Charitonidou M. Italian neorealist and new migrant films as *dispositifs* of alterity : how *borgatari* and *popolane* challenge the stereotypes of nationhood and womanhood? // Studies in European cinema [Электрон. ресурс]. – URL: <https://do.org/10.1080/17411548.2021.1968165> (дата обращения: 10.08.2022).
- Enzyklopädie Migration in Europa. – 2007. – Vom 17 : Jahrhundert bis zum Gegenwart / Bade K.J., Emmer P.C., Lucassen L., Oltmer J. [et al.]. – URL: <https://www.amazon.de/Enzyklop%C3%A4die-Migration-Europa-Jahrhundert-Gegenwart/dp/3770541332> (дата обращения: 12. 07.2022).
- Fullwood N. Cinema, gender, and everyday space. – New York : Palgrave Macmillan, 2015. – 260 p.
- Haberland H., Mortensen J. Language variety, language hierarchy and language choice in the international university // International journal of the sociology of language. – 2012. – N 216. – P. 1–5.
- Kerswill P. Migration and language // Sociolinguistics/Soziolinguistik : An international handbook of the science of language a. society / Ed. by Mattheler Kl., Fmmon U. [et al.]. – 2 nd ed. – Berlin, 2006. – Vol. 3. – P. 2271–2285.
- Lindström J. Different languages, one mission? Outcomes of language policies in a multilingual university context // International journal of the sociology of language. – 2012. – N 216. – P. 33–53.
- Martikainen J., Sakki I. Myths, the Bible, and Romanticism as ingredients of political narratives in the Finns party election video // Discourse, content & media [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/> (дата обращения: 18.02.2021).
- Navyn S.J. Gender and migration : Integrating feminist theory into migration studies // Sociology compass. – 2010. – Vol. 4, N 9. – P. 749–765. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2010.00318.x>
- Pedraza S. Women and migration : The social consequences of gender // Annual review of sociology. – 1991. – Vol. 17. – P. 303–325.
- Rings G. The other in contemporary migrant cinema : imagining a new Europe? – New York ; London : Routledge, 2016. – 176 p.

- Risager K.* Language hierarchies at the international university // International journal of the sociology of language. – 2012. – N 216. – P. 111–130.
- Söderlundh H.* Global policies and local norms : sociolinguistic awareness and language choice at the international university // International journal of sociology of language. – 2012. – N 216. – P. 87–109.
- Van Dijk T.A.* Discourse and migration // Qualitative research in European migration studies. – Springer, 2018. – P. 227–245 ; Research Gate [Electron. resource]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/325867494_Discourse_and_Migration (дата обращения: 28.07.2022).

Е.О. ОПАРИНА

**КОНЦЕПТ МИГРАЦИЯ КАК БАЗА
ДЛЯ ОСОЗНАНИЯ И ОЦЕНКИ
МИГРАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ
В ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н Синякова
Корректоры С.Е. Шелимова, В.И. Чеботарева

Подписано к печати 25 / III – 2023 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 3,1 Уч.-изд. л. 3,0
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 129

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: shop@list.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У